

ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2023.1.86

#1(86), 2023 часть 2

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - A4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#1(86), 2023 part 2

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal
Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

**Давид Ковалик (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

**Питер Кларквуд (Университетский
колледж Лондона)**

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

**Александр Клиmek (Польская академия
наук)**

**Александр Роговский (Ягеллонский
университет)**

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

**Бартош Мазуркевич (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

**Миколай Жуковский (Варшавский
университет)**

**Матеуш Маршалек (Ягеллонский
университет)**

**Шимон Матысяк (Польская академия
наук)**

**Михал Невядомский (Институт
международных отношений)**

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Kracow University of
Technology named Tadeusz Kościuszko)**

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dziedzic (Polish Academy of Sciences)

**Alexander Klimek (Polish Academy of
Sciences)**

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko
Cracow University of Technology)**

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

**Szymon Matysiak (Polish Academy of
Sciences)**

**Michał Niewiadomski (Institute of
International Relations)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Чжэн Цинянь КИТАЙСКАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА КУЛЬТУРЫ ХУНШАНЬ.....	4
---	---

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Невелёв М.Ю. НЕУЗНАННОЕ ХРИСТИАНСТВО: К ВОПРОСУ О РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИБЕРАЛИЗМА.....	12
---	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Gyulbenkyan J.Kh., Adonts H.V., Tsirunyan V.D. MATHEMATICAL EQUATIONS AS A HELPFUL GUIDE IN SOLVING PROCESS OF CHEMICAL PROBLEMS.....	12
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гордеев И.В. КАК ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КНР СИ ЦЗИНЬПИН 10 ЛЕТ ПОДРЯД ОСТАЁТСЯ САМЫМ ВЛИЯТЕЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ В МИРЕ	31
--	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вигсл Р. UNDERSTANDING THE TIES BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE.....	40
---	----

До Тхи Иэн Ньи ОПИСАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ КУЛЬТУРАХ.....	43
---	----

Шайдуллина А.Р. ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПОСРЕДСТВОМ МЕМОВ НА УРОКАХ РКИ	45
--	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 738+902

Чжэн Цинянь

аспирант, кафедра искусствоведения,
 Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная
 академия имени А. Л. Штиглица
 (191187, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Соляной, 13);
 Научный руководитель: **Корнилова Анна Владимировна**,
 доктор искусствоведения, профессор,
 профессор кафедры общественных дисциплин и истории искусств,
 Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная
 академия имени А. Л. Штиглица

КИТАЙСКАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА КУЛЬТУРЫ ХУНШАНЬ

Zheng Qinqian

CHINESE CERAMIC SCULPTURE OF HONGSHAN CULTURE

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.2.86.322

Аннотация. Статья посвящена китайской расписной керамике культуры Хуншань эпохи неолита. Среди находок этого периода большое количество глиняной и нефритовой антропоморфной пластики, характерной для земледельческой культуры эпохи. При археологических раскопках обнаружено множество различных типов скульптурных изображений богини плодородия с акцентом на частях фигурок, подчеркивающих репродуктивную функцию. Также найдены немногочисленные предметы из нефрита и камня, либо глиняные фигурки, инкрустированные нефритом. Для культуры Хуншань характерна роспись статуэток, вобравшая в себя черты других культур Центральных равнин. В статье подробно описывается внешний вид артефактов, а также их различия в зависимости от места происхождения.

Abstract. The proposed article deals with the Chinese painted ceramics of the Hongshan culture of the Neolithic era. This type of culture is distinguished by a lot of clay and nephrite anthropomorphic plastics, characteristic of the agricultural culture of the era. During archaeological excavations, many different types of sculptural images of the goddess of fertility have been discovered, with an emphasis on parts of the figurines, emphasizing the reproductive function. A few objects made of jade and stone, or clay figurines inlaid with jade were also found. The Hongshan culture is also characterized by the painting of figurines, which absorbed the features of other cultures from the Central Plain. The article describes in detail the appearance of artifacts, as well as their differences depending on the place of origin.

Ключевые слова: керамика, скульптура, Хуншань, богиня, женщина.

Keywords: ceramics, sculpture, Huangshan, goddess, woman.

В период расцвета культуры Хуншань западный район провинции Ляонин стал своего рода восточным окончанием «дороги расписной керамики» и началом «нефритовой дороги». В этом географическом месте различные типы культур китайской керамики эпохи неолита пересекались и взаимно интегрировались¹. В качестве примера наиболее показательна глиняная посуда культуры Хуншань, отличающаяся не только особой формой, но и уникальными узорами. Привлекает внимание рисунок драконьей чешуи, который образовался в результате культурного обмена между севером и югом, а также с древнейшей культурой Яншао, процветавшей на Центральных равнинах. Не

обошлось в этом культурном обмене и без черт росписей, присущих культуре запада.

Наиболее знаменитым и изученным памятником культуры Хуншань является культовый комплекс Нюхэлян. В 1994 году Джина Барнс (Gina Barnes) и Джени Уэйт (Geny Waite), исследователи из Кембриджского университета, в рамках проекта восстановления и защиты окружающей среды внесли предложение о включении археологического объекта Нюхэлян культуры Хуншань в Список всемирного наследия. Уникальные глиняные фигурки, обнаруженные здесь, считаются самой большой находкой доисторических глиняных изделий. Позднее в книге «История археологии – 100 археологических

¹ 郭大顺《从世界角度研究红山文化》《红山文化论著》辽宁师范大学出版社，大连，2015。Р. 49. Го Дашунь. Исследование культуры Хуншань, ее

всемирное значение // Тракта о культуре Хуншань. Издательство Ляонинского педагогического университета, Далянь, 2015. 503 с.

открытий мира» под редакцией Пола Г. Бана (Paul G. Bahn) и в работе «Статуи на Дальнем Востоке» Джини Барнс керамические изделия Нюхэляна по значимости сравнивались с египетскими статуями того же периода². Профессор Колон Ренфрю (Colon Renfrew) из Кембриджского университета в «Сравнительном исследовании происхождения доисторического этикета и великолепия (архитектуры)» сопоставляет культовый центр Нюхэлян с храмовым комплексом Гёбекли-Тепе в Турции, каменным мегалитическим сооружением Стоунхендж в Англии, Карнакскими камнями во Франции и руинами древнего крупного поселения Караль в Перу. Возраст этих памятников достигает 10 тыс. лет. Культовый центр Нюхэлян представляет собой большой погребально-храмовый комплекс, огромные размеры которого наводят на мысль, что он являлся культовым центром целой области. Погребальные памятники этого комплекса высоким статуарным содержанием отличаются от большинства погребальных памятников Хуншань, обнаруженных ранее. Янь Вэньминь предлагал провести сравнение культуры северного Китая и Евразии, используя в качестве критерия сходство с гончарными статуями и сосудами культуры Хуншань³.

Культура Хуншань характеризуется большим количеством храмов, служивших священным местом для поклонения и жертвоприношений богам. Все ритуальные действия обставлялись скульптурными изображениями богинь и не обходились без гончарных изделий обрядового характера. Многочисленность керамических статуй богинь в культуре Хуншань является ее отличительной чертой, которая не встречается в других китайских культурах. В так называемом Храме богини комплекса Нюхэлян находятся самые разнообразные по форме и размеру яркие глиняные статуи, каждая из которых имеет свое специальное назначение.

Уникальность культуры Хуншань заключается также в наличии большого количества глиняных скульптур богинь, инкрустированных нефритом. Культура Хуншань, имеющая свои особенности расписной керамики, является одной из всемирно известных культур нефрита, получившей второе название – «культуры дракона».

К самым ярким артефактам культуры Хуншань относят Храм богини комплекса Нюхэлян. Здание храма, объединенное с другими археологическими

объектами, расположено практически в центре ритуального комплекса. Храм хорошо сохранился, имеет сложную структуру, богат по содержанию; особенно отмечаются статуи богинь, выполненные в большом количестве и с высоким изяществом, что отличает их, в частности, от артефактов культового памятника Дуншаньцзуй⁴, обнаруженного в 30 км от Нюхэлян. Культуру Хуншань характеризует не только развитое гончарное дело, но также использование нефритовых и микролитических орудий, позволявших создавать керамическую скульптуру совсем иного качества, что в результате явилось важной художественной особенностью этой древней культуры.

Статуи богинь в культуре Хуншань изображены в иерархии, точно так же, как в Египте и Месопотамии изображали главных богов и важных государственных деятелей. Самой большой является глиняная статуя Храма богини культового центра Нюхэлян, которая в три раза превышает реальный человеческий рост. При этом самая маленькая статуя не достигает и десяти сантиметров. Чем выше статус божества – тем больше статуя. Этим принципом определялось наличие статуй богинь разных размеров и, соответственно, жилищ богов разного масштаба.

В научных дискуссиях встречаются два взгляда на природу статуй: одни ученые считают, что это олицетворенный бог природы, а другие – что это идол, которому поклонялись предки. С этих позиций Юй Вэйчао подробно обсуждает женские скульптуры, обнаруженные на стоянке Дуншаньцзуй. Исследовательница считает, что маленькие глиняные фигурки беременных женщин символизируют богиню плодородия: большинство из них были обнаружены внутри и вокруг круглого алтаря; это могут быть и богини земледелия, которые молятся о хорошем урожае⁵. В Центральных равнинах Китая принято считать, что скульптурные изображения богинь являются воплощением богов природы, матери-земли, а каменные гробницы – это не гробницы в общем смысле, а альтернативная форма алтаря, характерная для северного культа природы в эпоху неолита.

Памятники культуры Хуншань отражают региональные различия в изображении формы «жертвоприношения»⁶. Чжан Синдэ проанализировал статуи, символизирующие жертвоприношения, с точки зрения их связи с

² Paul G. Bahn. 100 Great Archeological Discoveries . New York : Barnes & Noble, 1995. P. 70.

³

https://epaper.csstoday.net/epaper/read.do?m=i&iid=4361&eid=26100&sid=118559&idate=12_2013-08-16

⁴ 郭大顺, 《红山文化》文物出版社, 2005. P. 91. Го Дашунь. Издательство культурных реликвий «Хуншаньская культура», 2005. 235 с.

⁵ 俞伟超, 严文明《座谈东山嘴遗址》, 《文物》1984年第11期。Ю Вэйчао, Ян Вэньмин. Обсуждение руин Дуншаньцзуй // Культурные реликвии. 1984. № 11.

⁶ 卜工《牛河梁红山文化祭祀遗址及相关问题》, 《辽海文学刊》1987年第2期。Бу Гун. Культурное жертвоприношение Нюхэлян Хуншань и связанные с ним вопросы // Литературный журнал Ляохай. 1987. № 2.

богами земли и плодородия и пришел к заключению, что глиняные женские фигурки символизировали землю, сбор урожая, начиная с эпохи палеолита. Земледельческая культура Хуншань отличалась относительной развитостью, этим объясняется большое количество священных мест, предназначенных для жертвоприношений верховной богине, богине земли⁷.

Надо сказать, что подобные женские скульптуры, относящиеся к доисторическим временам, обнаруживаются по всему миру, особенно их много найдено в странах Средиземноморья, таких как Греция, Франция и Испания, где господствовали матриархальные кланы. Этот тип «женской статуэтки» имеет мировую историю, насчитывающую десятки тысячелетий. Для всех этих изображений характерна общая форма – невысокая женщина с большим животом. А в культуре Кукутень-Триполье (территория Восточной Европы) очень почиталась мать, поэтому популярны были керамические игрушки и ритуальные элементы, символизирующие материнство. В качестве характерных примеров можно назвать Венеру Леспюгскую (Верхняя Гаронна, Франция. Верхний палеолит, Граветт, 25 тыс. л. до н. э.) и Венеру Виллендорфскую (стоянка близ дер. Виллендорф, Нижняя Австрия, 28–25 тыс. лет назад. Известняк, высота 11,1 см). Такие женские изваяния встречаются также в Евразии, Центральной и Южной Америке в древних гробницах, от позднего палеолита до раннего бронзового века. Очень распространено было поклонение богине, символу плодородия и символу земледелия и сбора урожая. При этом в изображениях преувеличивались женские репродуктивные характеристики и изгибы тела.

Возвращаясь к культовой скульптуре Нюхэлян, следует сказать, что по масштабу гончарных изделий это местечко превосходило все другие регионы Китая. При этом скульптуры, произведенные здесь, нельзя назвать примитивными, в них угадываются приемы традиционного боди-арта, используемые по глиняной поверхности. Пропорции человеческого тела уже не преувеличены или преувеличены только некоторые части женского тела, а пропорции не противоречат реальности; довольно ярко выражены черты лица. Скульптурные изображения создавались на основе подражания людям и обожествлялись.

Проиллюстрируем и опишем более подробно ряд находок. Так, на территории культового памятника культуры Хуншань, в Дуншаньцзэуе, были обнаружены две глиняные статуи обнаженных беременных женщин (рис. 1, 2). Их характеристики: остаточная высота 5–5,8 см, голова и правая рука практически полностью отсутствуют, левая рука согнута на уровне груди, живот имеет округло-выпуклую форму, ягодицы гипертрофированы, бедра полные.

Небольшая статуя обнаженной женщины была обнаружена в кургане № 2 на верхнем этаже пятого участка культурного объекта Нюхэлян (рис. 3)⁸. Голова и правая нога отсутствуют, формы тела пухлые и округлые, линия талии высокая. Сохранившаяся нога выглядит как в сапоге. Вся поверхность скульптурного изображения была изначально полированной, гладкой. Эта статуэтка отличается от керамических изделий, характерных для культур Яншао и Маджияо. Керамические статуи в этих культурах не лишены некоторой примитивности и религиозной направленности. Культивированная керамика Яншао и Маджияо имеет много оттенков, цвет терракоты – бежевый, желтовато-коричневый или красный, поверху нанесены черные или темно-коричневые узоры. Для росписи изделий использовались, помимо геометрических узоров, фигуры животных, людей, природные мотивы. В этих культурах складывались благоприятные условия как для развития земледелия, так и для контактов аграрных и кочевых цивилизаций. Поэтому на данной территории выявлены десятки памятников от раннего неолита до ранних кочевников⁹.

Доктор исторических наук И. В. Палагута, анализируя мир искусства древних земледельцев Европы, приходит к выводу, что гончарные скульптуры эпохи неолита не были полностью примитивными. Он считает, что в эпоху неолита «существенно расширяется и ассортимент мелкой пластики. В палеолите он не так богат и включает преимущественно женские статуэтки. С начала эпохи неолита представлен целый набор разнообразных фигурок, который включает мужские и женские антропоморфные статуэтки, изображающие персонажей в различных позах и масштабах, с различными атрибутами и в различных одеждах, а также многочисленны зооморфные фигурки. Поэтому представление о том, что раннеземледельческая пластика представляет только лишь изображения <Великой Матери>, давно уже стало анахронизмом»¹⁰.

⁷张星德《红山文化女神之性质与地位考》，《辽海文物学刊》1987年第2期。

Чжан Синдэ. Исследование природы и статуса богини культуры Хуншань // Журнал культурных реликвий Ляохая. 1987. № 2.

⁸ <https://philosophy.whu.edu.cn/info/1038/12096.htm>

⁹ Алкин С. В. Неолит областей за пределами исторического региона: Северо-восток

современной КНР // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Вост. лит., 2016. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): От палеолита до V в. до н. э. С. 303–307.

¹⁰ Палагута И. В. Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балканокарпатского круга в VII–III тыс. до н. э.). СПб.: Алетей, 2012. С. 89.

В равной степени это наблюдение можно отнести и к культуре Хуншань, керамические изделия которой отличаются большим разнообразием форм, человеческих фигур, поз. Здесь есть статуи в полный рост и до пояса; скульптуры, состоящие только из головы (наподобие бюста); полнотелые статуи в позе на коленях, в сидячей позе; статуи, сидящие со скрещенными ногами, сидящие на корточках и т. д. В основном эти предметы изготовлены из керамики, однако их немало из нефрита и камня.

На стоянке Сишуйцюань среди коричневой глиняной посуды был найден женский торс (рис. 4). Размер находки очень маленький: остаточная высота 3,8 см, диаметр основания 2,1–2,3 см¹¹. Женские половые признаки гипертрофированы, видна сильно выступающая грудь.

Среди фрагментов хуншаньских керамических скульптур встречаются фигуры сидящих со скрещенными ногами. Скульптурные позы напоминают людей, практикующих йогу. Судя по обнаруженной керамике, такая поза для людей культуры Хуншань была привычной. Найден фрагмент сидящей человеческой фигуры с веревковидным ремнем на талии¹². В мае 2012 года во время археологических раскопок на стоянке Синлунгоу, в автономном районе Внутренняя Монголия, была обнаружена керамическая фигура культуры Синлунва высотой 55 см, весь корпус которой составлен из 65 глиняных осколков (рис. 5)¹³. Скульптура представляет человека, сидящего в традиционной позе со скрещенными ногами, с прямой осанкой и аккуратно надетым по линии роста волос головным убором. Вся фигура имеет очень реалистичный вид, лицу придано выражение большого удивления: глаза округлены, рот приоткрыт. Черты лица обнаруживают большое сходство с лицами сегодняшних жителей китайского региона Шэньси.

В Синлонгва, на территории Дуншаньцзуй, найдена глиняная скульптура лица женщины в натуральную величину, известная как «Богиня Хуншань» (рис. 6, 7). У нее отсутствует верхняя часть головы, нет левого уха, разбит нос, глаза инкрустированы кристалльно-зеленым нефритом.

Надбровные дуги не выражены, губы округлой формы, уголки рта слегка приподняты, скулы высокие, переносица несколько опущена, форма глаз слегка раскосая. Все эти черты лица служат важной основой для определения этнической принадлежности и в данном случае указывают на монгольский тип, что характерно для керамики Синлонгва. В ушах керамической скульптуры видны отверстия, явно предназначенные для ношения аксессуаров. Похожие черты можно найти и в других керамических головах с орнаментами.

Культурная коннотация Хуншань отличается большим разнообразием и относительной сложностью. На основании обнаруженных в этом регионе скульптурных изображений можно сделать вывод о слиянии различных культур. Фигурные статуи имеют внешние признаки жителей Восточной Азии и западных регионов. Это указывает на доисторическое взаимопроникновение восточной и западной цивилизаций. И не случайно обнаруженный и раскопанный культовый памятник Нюхэлян трактуется как центр альтернативной (по отношению к нуклеарной зоне) цивилизации¹⁴. Например, трехцветные керамические скульптуры человеческого лица культуры Сяохэян явно демонстрируют черты коренных народов Африки (рис. 8, 9). Рассмотрим голову женщины из глиняной терракоты из культурной гробницы Хуншань в горах Банла, Чаоян: круглое лицо с изогнутыми бровями, узкими глазами, широким носом соответствует физическим характеристикам восточноазиатских рас. Волосы над ушами свисают длинными прядями. На скульптуре ясно просматривается кунь того времени (рис. 10). Однако Тянь Гуанлинь пояснил, что так называемый кунь (髡) – это стрижка. Некоторые исследователи считают, что прическа – это обычай, зародившийся на Западе страны. Это самая ранняя керамическая скульптура с волосами в истории Китая, отражающая стиль прически, который был популярен среди высшего класса в западном районе Ляонин 5 тыс. лет назад¹⁵.

13

<http://www.kaogu.net.cn/cn/gonggongkaogu/2016/0331/53457.html>

¹⁴Алкин С. В., Комиссаров С. А. Нюхэлян // Большая рос. энциклопедия. М.: Большая рос. энциклопедия, 2013. Т. 23. С. 452–453.

15

<http://news.lnd.com.cn/system/2021/09/27/030258103.shtml>. **研究红山文化人形雕像的考古专家认为—**

—史前红山人与亚欧非有文化交流 Эксперты-археологи, изучающие гуманоидные статуи культуры Хуншань, считают, что доисторические люди Хуншань имели культурный обмен с Азией, Европой и Африкой.

¹¹中国社会科学院考古研究所内蒙古工作队, 《赤峰吸水泵红山文化遗址》, 《考古学报》1982年第2期。Рабочая группа Внутренней Монголии Института археологии Китайской академии общественных наук. Культурное место Чифэн Шуйцюань Хуншань // Журнал археологии. 1982. № 2.

¹²郭大顺, 张克举《辽宁省喀左县东山嘴红山文化建筑群址发掘简报》, 《文物》1984年第11期。Го Дашунь и Чжан Кэцзюй. Краткий отчет о раскопках культурной застройки Хуншань в Дуншаньцзуй, уезд Кадзуо, провинция Ляонин // Культурные реликвии. 1984. № 11.

Как уже говорилось, в культуре Хуншань много нефритовых и каменных скульптур. Часть нефритовых скульптур имеет сходные характеристики с культурой майя, а некоторые скульптуры по выражению лиц напоминают скульптурные находки Карахан-Тепе в Турции, возраст которых составляет 11 тыс. лет. Это может свидетельствовать о том, что хуншаньская культура имела взаимообмены с Азией, Европой и Африкой, что определяет сложные и

разнообразные характеристики хуншаньской культуры и методы ее выражения. Являясь основной частью системы древней северной культуры, культура Хуншань выделяется своей уникальностью и вместе с тем взаимодействует с системой древней культуры Центральных равнин, в основном культурой Яншао, а кроме того, в пределах одного и того же ареала распространения испытывает взаимопроникновение с различными типами культур в бассейне реки Ляохэ¹⁶.

Рис. 1. Керамическая статуя беременной женщины, эпоха позднего неолита, культура Хуншань, TD8 ② :5, обнаруженная в 1982 году в Кадзуо Дуншаньцзуй, город Чаоян, музей провинции Ляонин. Изображение приводится по: Чен Ванхэн: первый луч солнца китайской цивилизации // Журнал Академии изящных искусств Хубэй. 2020. Вып. 1

Рис. 2. Статуэтка беременной женщины, обнаруженная в Дуншаньцзуй, TD9 ② :7, культура Хуншань. Изображение приводится по: Новости Northland NetEase

¹⁶苏秉琦《辽西古文化古城古国》，《文物》1986年第8期。 苏 斌。 Древний город древней

культуры Ляонин // Культурные реликвии. 1986. № 8.

Рис. 3. Женская скульптура, памятник Нюхэлян, №(ниу)5Z2:4, культура Хуншань.
Изображение приводится по: Sina.com, Humanities and History

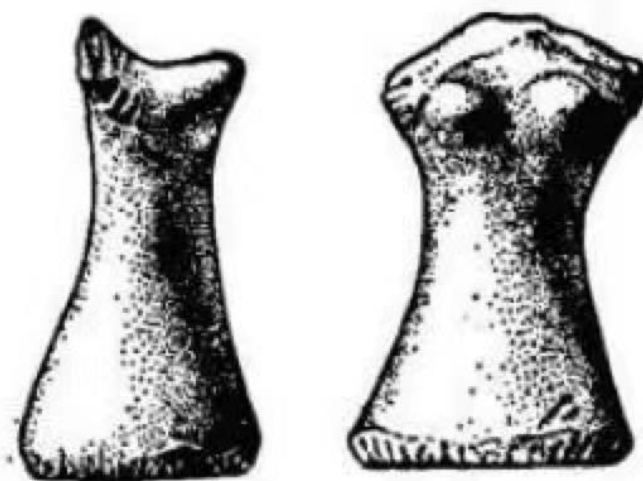

Рис. 4. Женский торс, место Сишуйцюань Н1:3, культура Хуншань.
Изображение приводится по: Го Дашунь. Хуншаньская культура.
Издательство культурных реликвий, 2005.

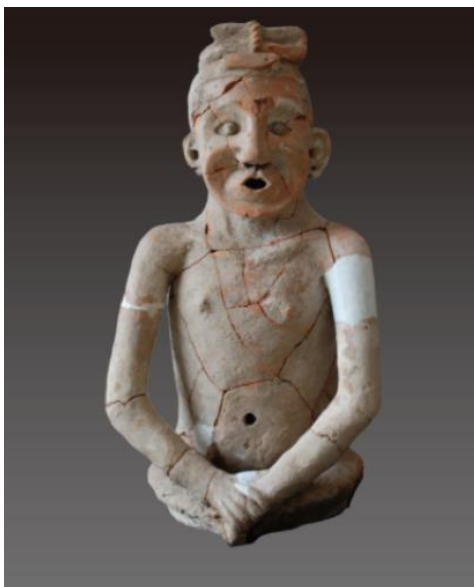

Рис. 5. Гончарный бюст, сайт Синлонгва, культура Хуншань.
Изображение приводится по: Трактат о культуре Хуншань.
Далень: Издательство Ляонинского педагогического университета, 2015.

Рис. 6, 7. Богиня Хуншань (статуя богини храма Нюхэлян), культура Хуншань, эпоха позднего неолита.
Ляонинский провинциальный институт археологии.
Изображение приводится по: Го Дашунь. Хуншаньская культура.
Издательство культурных реликвий, 2005 (рис. 6).
Изображение приводится по: Китайская энциклопедия (рис.7).

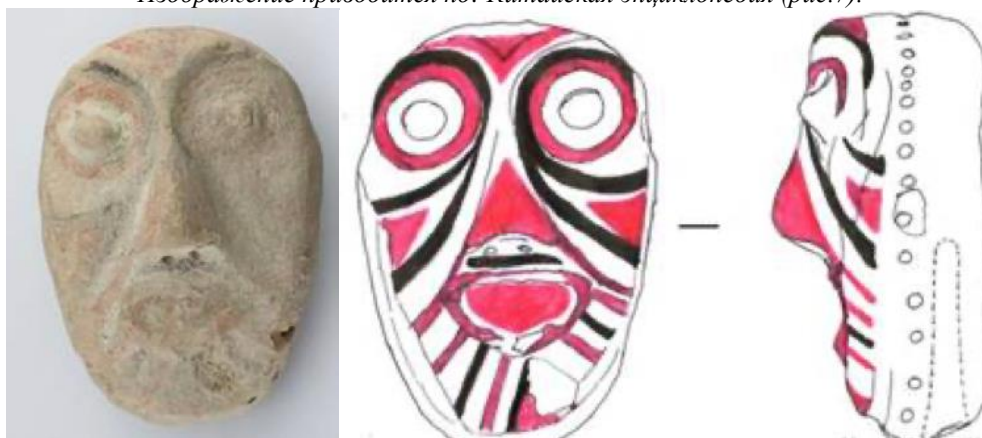

Рис. 8, 9. Трехцветные керамические лица, культура Сяохэян, музей Des Voeux
Изображение приводится по: Чен Ванхэн: первый луч солнца китайской цивилизации // Журнал
Академии изящных искусств Хубэй. 2020. Вып. 1

*Рис. 10. Голова женщины из глиняной терракоты из культурной гробницы Хуншань в горах Банла
Изображение приводится по: <http://www.kaogu.cn/en/> Институт археологии
Китайской академии богословских наук*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Невелёв Михаил Юрьевич

Адвокат Адвокатской палаты Московской области. Родился в 1960 г. в Москве. Окончил Ленинградский институт киноинженеров (1982), Международную академию маркетинга и менеджмента (2004). Автор монографии «Время сознания. Я-представление в содержании религиозного опыта. Культурологическое исследование» (2008), ряда статей. Работы посвящены исследованию веры как инновационного культурологического продукта, изучению природы религиозности, проблемам моделирования религиозного сознания

НЕУЗНАННОЕ ХРИСТИАНСТВО: К ВОПРОСУ О РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИБЕРАЛИЗМА

UNRECOGNIZED CHRISTIANITY: ON THE QUESTION OF THE REHABILITATING OF LIBERALISM

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.2.86.320

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам либерализма — философского и общественно-политического течения, оценка и восприятие которого в современном обществе вызывают разногласия. По мнению автора, данное течение в европейской культуре не следует рассматривать как явление исключительно Нового и Новейшего времени, а только как новую форму давней традиции, имеющей глубокие корни в христианской почве. Говоря об особенностях исторической судьбы либерализма в современную эпоху, автор рассматривает данное философское течение на фоне развития этической и религиозной составляющих человеческого сознания, сопоставляя его с иными явлениями общественной жизни. Автор показывает, что осознание преемственности с давней традицией позволяет выявить подлинный смысл и содержание либеральной идеологии.

Annotation. The article is devoted to certain aspects of liberalism — a philosophical and socio-political trend, the assessment and perception of which in modern society are controversial. According to the author, this trend in European culture should not be considered as a phenomenon of exclusively New and Contemporary history, but only as a new form of a long-standing tradition that has deep roots in Christian soil. Speaking about the peculiarities of the historical fate of liberalism in the modern era, the author considers this philosophical trend against the background of the development of the ethical and religious components of human consciousness, comparing it with other phenomena of social life. The author shows that the awareness of continuity with a long tradition allows us to reveal the true meaning and content of liberal ideology.

Ключевые слова. Либерализм, свобода, религиозное сознание, психологическая защита, секуляризация, экзистенциальный выбор

Keywords. Liberalism, freedom, religious consciousness, psychological defense, secularization, existential choice

Ведущее деловое издание России «Ведомости» в статье от 27.06.2019 г. с характерным заголовком «Путин объявил конец эпохи либерализма перед саммитом G20» указывает следующее:

«Президент Владимир Путин в интервью газете Financial Times (FT) заявил о конце эпохи либерализма. «Либеральная идея» «пережила свою цель», когда общественность выступила против иммиграции, открытых границ и мультикультурализма, заявил российский лидер.

По его словам, либералы в последние десятилетия пытались диктовать миру свою волю, но совершили много трагических ошибок. Путин привел в пример решение канцлера Германии Ангелы Меркель о приеме более 1 млн сирийских беженцев. Он назвал его «ошибочным» и противопоставил ему волю президента США Дональда Трампа, который пытается остановить поток мигрантов и наркотрафика из Мексики. «Либеральная идея предполагает, что ничего не

нужно делать. Убивай, грабь, насилуй – тебе ничего, потому что ты мигрант, надо защищать твои права. Какие права? Нарушил – получи наказание за это», – заявил Путин.

По мнению Путина, «за каждое преступление должно быть наказание»: «Либеральная идея устарела. Она вступила в противоречие с интересами подавляющего большинства населения» [1].

Приведенное мнение не единично, среди тех, кто его разделяют, имеются и философы-профессионалы. Киевский профессор А.О.Баумейстер разместил недавно на платформе YouTube любопытный ролик под названием «Либеральный миф о свободе» [2].

Ролик интересен в частности тем, что там обстоятельно показано складывающееся сегодня представление о либерализме, и это показано человеком, который находится внутри этого формирующего потока, который сам принимает активное участие в этом складывании, не подозревая, как кажется, о давней и глубинной философской традиции.

По мнению автора, либерализм сегодня это молодая, задиристая, хулиганствующая идеология, восходящая к английскому философу Дж.С.Миллю, дошедшая до нас в обработке и толковании М.Фридмана, Ф.Хайека, И.Берлина, суть ее – анархия и произвол, автор делает доверительное признание в том, что не исключает предположение о «кознях дьявола». Впрочем, делает это в допустимой для философского нарратива форме.

Конечно, могут быть разные мнения относительно либерализма, и все же полагаю, что приведенные категорические суждения несколько преждевременны.

Президент В.В.Путин не скрывает свое негативное отношение к либерализму, он открыто строит систему, не вполне отвечающую либеральным ценностям, что к недоумению части российского общества вызывает одобрение у другой его части. Вот, как характеризует оппозиционный политик то основание, на котором возводится здание этой системы (Явлинский Г.А. «Что делать? Институционализация ценностей»):

«Система Путина выросла из уверенности, что в действительности по-другому не бывает: что демократия — это имитация и лицемерие, с помощью которых элиты манипулируют массами, что никаких моральных ориентиров не существует, они условны и относительны» [3].

Итак, уверенность. Согласимся с этим и спросим: откуда?

Ответ прост и далеко не нов. Люди всегда оценивают по своему опыту, а если еще глубже – по себе. Россиянам, следящим за речами первых лиц, недавно пришлось вспомнить детскую присказку и знакомый каждому примитивный прием (не всегда применяемый к месту), позволяющий обратить агрессию на самого агрессора. Мысль понятна. Вспоминается в данной

связи Протагор: человек есть мера всех вещей. Правда, понимается это чаще всего в несколько ином плане, в несколько более широком смысле: человек вообще и вещь вообще, да и мера вещей тоже – вообще, изначальный контекст нам не известен, автор умер давно. Так, вот, имеется другой, ближний план, и этот ближний план оказывается чрезвычайно актуальным здесь и сейчас: почему по-другому не бывает? – да потому, - отвечает обыватель, - что, если бы «я» взялся строить систему, то уж, будьте спокойны, - сделал бы то же самое, если бы только мне сопутствовала удача. Узнаём уже: это то же ясное ощущение самого себя, спроецированное вовне. С некоторыми значащими человеческими слабостями. На этом же основывается неприятие-непринятие оппозиционеров из ФБК: они говорят то, что адресату сообщения уже известно, и известно из достоверного источника.

Параллельно этой, практически независимо от нее, развивается совершенно иная система ценностей: либерализм, демократия — это не имитация и не лицемерие, и даже если и завелись паразиты от нечистоплотности, от безответственности, от неспособности доводить дело до конца, в конечном счете, - от слабости, паразиты, занятые исключительно манипулированием, это вовсе не означает, что никаких моральных ориентиров не существует, они, эти ориентиры, не условны и не относительны, и люди знают об этом точно и также - из самых достоверных источников, т.е. от самих себя. Вспоминается Л.Н.Толстой: «Он знал еще твердо и несомненно, узнав это прямо от Бога...» [4]. И опять возвращаемся к Протагору, все то же самое, только наоборот. Само «Я» чуть другое, и вот, перед нами другая картина. Этих людей оппозиция из ФБК не раздражает, она говорит им о таких фактах, о которых они, проецируя свой внутренний мир, свою «меру» на внешний мир, догадаться при всей проницательности самостоятельно не смогли бы, это для них неожиданная новость.

Не так давно мне случилось участвовать в небольшой дискуссии, в ходе которой те же тайные источники нашей убежденности неожиданно открылись с другой стороны. Тема была сформулирована так: нуждается ли любовь к Родине в специальных воспитательных мерах? Любой ответ на вопрос всегда неявно апеллирует к этому источнику. Ведь если мы нуждаемся в воспитании любви к Родине, то разве это не означает, что мы сомневаемся в самих себе? не доверяем себе, боимся, что сорвемся, потеряемся, пропадем...

Верно и обратное. Если нет у нас сомнений, во всяком случае, в подлинности наших добрых намерений и доброго отношения к близким и дальним, то станем ли мы нуждаться в воспитании, для того, чтобы приобрести что-то еще к тому дополнительно? К такому источнику разве требуются дополнения? К такому свидетельству?

Итак, слухи о начале конца либерализма, полагаю, сильно преувеличены, и бытующее сегодня в России представление о либерализме, который толкуется часто превратно и даже представляется в откровенно неприличном виде, совершенно очевидно, нуждается в поправке.

Первое, что необходимо отметить, это то, что либерализм ведет свою историю все же не от М.Фридмана, Ф.Хайека, И.Берлина, не от Дж.С.Милля. И не от Просвещения. И даже не от Возрождения с его борьбой с папством, как порой толкуют об этом новомодные справочники. Совершенно очевидно, тут выпадают звенья.

Вспоминается здесь другое, например, 2-е послание Апостола Павла к коринфянам (3, 17): «Где дух Господень, там свобода» [5]. Для Павла, который отстоит от нас во времени на две тысячи лет, но голос которого все еще уверенно нам слышен, свобода это не безделье, не анархия, не произвол, это тяжелый труд на пути самопознания и самовоспитания.

Здесь уместно определить в общих чертах тот проект свободы, над которым вышло поработать христианство, о его специфике и отличительных чертах.

Однако сначала два слова о методе. Говоря о таких явлениях как христианство, ислам, либерализм, консерватизм и других подобных по охвату идеологических или иных системах, я подразумеваю всегда некую идеальную модель данного явления. Приблизиться к реальности я пытаюсь в первую очередь через выявление стойких тенденций, которые всегда несколько умозрительны. Более того, я полагаю, что всякий исследователь или мыслитель в подобных ситуациях имеет в виду именно свою собственную идеальную модель. Стремление охватить явление непременно во всех его частных проявлениях методологически не корректно, поскольку реальное явление при ближайшем рассмотрении всегда обнаруживает определенный уровень флуктуационного «шума» относительно некоторой константы или иной стойкой тенденции. Более того, идеальная модель это естественный способ задания области определения функции (бытия объекта) в диапазоне от флуктуационного «шума» до масштабов, при которых сам исследуемый объект не отделен от единичной флуктуации. Например, если мы примем за основу, что либеральный и консервативный лагеря формируют своих сторонников по значению некоторого известного и всегда неизменного для конкретного человека признака в структуре личности и на этом основании сделаем вывод о том, что переход из лагеря в лагерь в принципе невозможен, то такая точка зрения обнаружит в реальности многочисленные опровержения. Однако если иметь в виду глубокие и сильные тенденции, если ориентироваться только на ответственные и продуманные решения, только на цельные и сильные натуры, то вывод может быть иным. Поэтому меня не очень заботит то обстоятельство,

что реальность иногда опровергает умозрительные выводы: показания, снимаемые с идеальной модели, в заданной области определения более значимы, нежели шумовые помехи единичных составляющих.

Разговор о специфике христианского понимания свободы продолжим еще одной цитатой из посланий Павла: «*Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Добро, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю*» [6].

Такова здесь первоначальная постановка вопроса, программный анонс для каждого: как стать свободным в отношении того, чего не хочу, но что признаю нравственным, как справиться, как преодолеть это «не хочу»? как поселить в себе доброе? Как снять напряжение принуждения и страха и перейти к радости свободного делания? То, что признано благим и в силу этой благости неизбежным, должно стать желанным. На первый взгляд такая постановка вопроса перекликается с определением Б.Спинозы о свободе как осознанной необходимости, подхваченным позднее Г.Гегелем и К.Марксом. Однако данное впечатление, полагаю, следует признать ошибочным.

У Спинозы опущен чувственный аспект, о котором, как кажется, только и говорит Павел. В своем определении Спиноза не видит важную и едва ли не единственную у Павла составляющую, а именно - желание (если иметь в виду не мотивированное разумом стремление сделать что-то, а исходящее из глубины чувственной природы тяготение, хотение, побуждение к деланию, предвещающее волеизъявление). В его интеллектуальной любви к Богу любовь стоит за разумом, не после, а до, это скорее какая-то составляющая разума, нежели проекция самой любви.

У этой формулировки Спинозы, не имеющей ничего общего с либерализмом, имеются скорее античные корни. По мнению Сократа, человек, воззрение которого омрачено желанием или страхом и который совершает в заблуждении своем нечестивый поступок, не может считаться свободным. Свободен лишь тот, кто понимает, *осознает* смысл внешних обстоятельств и соотнобразовывает свои действия с имеющимся у него пониманием нравственного требования.

Проект Сократа, столь воодушевивший его многочисленных последователей, в конечном счете, потерпел крах, античность с ее стремлением измерить мир разумом не справилась с запросами времени: традиции политической свободы, связанные с участием граждан в государственном управлении, не говоря уже о таких, содержащих микроскопические дозы личной свободы формах экзистирования, как атараксия (безмятежное душевное спокойствие и невозмутимость мудреца), иные близкие состояния (эвтомия, апония), эпохе –

воздержание от суждения - свелись, в конечном счете, к свободе философа добровольно склонить голову перед мечом центуриона, как это сделал Цицерон, или вскрыть себе вены, по примеру Сенеки, сделавшего это по повелению собственного воспитанника и ученика. Согласно стоической традиции театрализованного ухода полагалось еще успеть до наступления момента окончательного затмения сознания произнести несколько слов в назидание тем, кто остается. Что собственно Сенека и исполнил. Это ли не прямое указание на провал замысла?! И все же античность внесла свой вклад: в этот жестокий и несправедливый мир внедрено представление о достоинстве личности, однако реальному человеку, обладающему этим нематериальным благом, не остается иного выбора кроме смерти. Стоицизм, один из заключительных актов античной трагедии, есть всего лишь попытка сохранить достоинство перед лицом неотвратимой и трагической судьбы. Проблема свободы здесь это проблема минимального согласования достоинства личности с жестокостью и несправедливостью устройства мира.

Этим практикам свободы явно чего-то не доставало для выживания, все эти традиции гибнут под тяжелыми и грубыми ударами действительности, под шум кровавых оргий развращенных диктаторов, отменивших, казалось, безвозвратно, республиканские формы государственного устройства и управления. Демократия закончилась империей, т.е. одной из форм диктатуры со всеми ее характерными чертами, а именно: произволом правителя и бесправием подданных. Этот практически забытый опыт участия граждан в разумном управлении государством оказался вновь востребован только в Новое время одновременно с рождением либерализма и его высокой оценкой роли и значимости человеческой личности.

Еще одно различие между античным и христианским пониманием свободы связано с тем, что в христианстве преодолено тяготение судьбы, рока. Фатализм, за незначительным набором исключений (среди которых, впрочем, Эпикур), насквозь пронизывает античное сознание, проникает в самые дальние его уголки, и его присутствие скрывается за решениями и поступками людей порой в самых неожиданных ситуациях. Это остается верным и в том случае, если расширить понятие «античность» и включить в него индийский и китайский регионы. И там, и там имеют место глубокие разработки соответствующих понятий (карма - в Индии, мин - в Китае). Отличие индийских школ состоит в том, что на судьбу, согласно этим традициям можно повлиять, в этом человек, безусловно, свободен, и такая свобода здесь открыто декларируется. В остальной своей части фатализм если и связан со свободой, то это следует признать особым, чаще всего с примесью трагической составляющей видом свободы, это свобода избрать трагический

путь, протянуть собственную нить судьбы и оставить след в мозаике судеб на полотне истории в памяти богов и людей. Во всем остальном фатализм это полное отсутствие свободы.

В христианстве мы обнаруживаем другое. Если иметь в виду идеальную модель христианства, то можно констатировать, что здесь нет точки наблюдения, расположенной *над* людьми, *над* историей и Вселенной, точки, в которой уже может выговориться слово «судьба» и при наблюдении из которой индивидуальные узоры складываются в мозаику движения миров. Нет, творение истории и Вселенной осуществляется в христианской модели мира всегда только здесь и сейчас, непосредственно на глазах у изумленного наблюдателя, потрясенного от неожиданной догадки, что он не только наблюдатель, но и участник, как бы даже и не главное лицо, на глазах у каждого и по воле каждого, - каждый принимает здесь участие в этом творении. «Глаз, которым я вижу Бога, является тем же глазом, которым Бог видит меня. Мой глаз и глаз Бога – один глаз, и один взгляд, и одно знание, и одна любовь» (Мейстер Экхарт) [7]. И от этого нельзя уйти и спрятаться, уход и сокрытие это тоже акт творения, но со знаком минус, т.е. акт разрушения и гибели в собственном мире и вместе с ним.

Еще одно отличие античного понимания свободы от христианского связано с отношением к государству.

Вообще можно сказать, что для античности, как цивилизации Древней Греции и Древнего Рима, государственность явилась одним из главных обретений. Продвинутая мысль этих обществ связывала с государственностью и юридическим законом как достаточно новым средством нормативного регулирования большие надежды. Для Сократа нравственное требование, требование разума совпадает с требованием закона и государства, его решение испить до дна чашу с ядом не в последнюю очередь было мотивировано тем, что таково решение суда, которое во что бы то ни стало должно быть исполнено. В его поступке потом стали видеть главным образом другое, верность идеям, однако это не меняет и не отменяет суть дела. Платон много размышляет о создании государства, т.е. о налаживании правильной работы государственного механизма, и, кстати, не только размышляет. То же и Аристотель. Если попытаться экстраполировать античность за пределы греко-римского мира, то сходный интерес к вопросам государственного управления можно обнаружить в китайском регионе: конфуцианство, моизм, легизм - это попытки выстроить и отладить в оптимальном режиме работу государственного механизма. Этот интерес способствует развитию представления о долге (и), необходимо присущем благородному мужу (цзюнь цзы), и в малой степени - развитию представления о свободе, как его альтернативной паре.

Еще одно проявление интереса античности к государству как требованию возврата к некоторой

норме можно найти и на периферии уже христианского мира, это, конечно, ислам с его представлением о земле ислама (исламское государство), ориентацией на государственное нормативно-правовое регулирование (шариат, фикх), с одной стороны, и стремлением к ограничению личной свободы через культивирование такой ценности как покорность (ислам), с другой.

Однако, если интерес к государству это некоторая норма, то, во всяком случае, исключения из этой нормы составляют для древнего мира индийский регион и ветхозаветная традиция.

При относительно незначительном интересе индийской философии к вопросам государства обращает на себя внимание высокий интерес к феномену «Я» и к соприкасающейся с этим феноменом категории свободы, предоставленной человеку для преодоления кармы. Однако преодоление кармы свободным волеизъявлением это путь долгий, трудный и тяжелый, и он рекомендован для следования в целях достижения другой еще более значимой свободы. Здесь, для большинства философских школ высшая свобода – это свобода человека от страданий и боли, и достижение этой свободы является главной целью человеческой жизни. Свобода здесь это не свобода от гнета внешней необходимости. Внешняя необходимость это иллюзия, борьба с ней бессмысленна, как борьба с ветряными мельницами, поэтому надо что-то делать с чувствами, т.е. теми датчиками, которые каждый на свой лад непрерывно подают сигналы о том, что мир будто бы существует, и что человек с ним необходимо связан, а также с привязанностями, которые формируются на основании чувств. Поэтому настоящая подлинная свобода, неотделимая от подлинного бытия (нирвана), - это свобода от чувств. Весь пафос индийской культуры мобилизован в целях умерщвления чувств, которое на поверку оказалось неотделимо от процесса умерщвления всего организма. Такая свобода, по большому счету, хороша для мертвецов, весь потенциал индийской культуры, если не брать во внимание местных эпикурейцев - последователей школы чарвака, задействован в некотором смысле для целей приближения смерти. Нирвана по сути дела есть аналог греко-римской атараксии, однако в отличие от последней, как уже сказано, нирвана представляет собой не просто состояние человека, а подлинное бытие в противовес иллюзорности объектов и ценностей мира сансары.

Таким образом, можно констатировать, что опыт социума за пределами христианского мира свелся к двум моделям развития: государство и несвобода либо свобода и смерть.

Христиане в отличие от последователей Сократа и Конфуция также не испытывали иллюзий в отношении государства, отношение к государству здесь разве что только терпимое («отдай кесарю кесарево»). Это сдержанное

отношение христиане восприняли от ветхозаветного иудаизма.

Книга Судей Израилевых посвящена описанию периода, когда народом правили судьи, случайные избранники Бога, спасавшие народ от его врагов.

Ветхозаветная историография явно отделяет эту эпоху от последовавшей за ней эпохи царств, описанной в четырех Книгах Царств (у иудеев – две Самуила и две Царей): «И сказали Израильтяне Гедеону: владей нами ты, и сын твой, и сын сына твоего, ибо ты спас нас от руки Мадиянитян. Гедеон сказал им: ни я не буду владеть вами, ни мой сын не будет владеть вами; Господь да владеет вами» [8]. Сопротивление набирающим силу государственным формам правления можно усмотреть и в истории объявившего себя царем братоубийцы Авимелеха, которого настигло возмездие от руки женщины. Способ управления обществом в эпоху судей уже осознается его членами как нечто устаревающее и не вполне как будто справляющееся с задачей: «...поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов» [9]. Однако долгое время что-то сдерживает. Еще более отчетливо противостояние государству читается в первой Книге Царств (Самуила) в повествовании о помазании Саула на царство. Власть судьи переходит к царю. Это означает, что власть в некоторой степени утрачивает Бог, государству в этом смысле противостоит Бог.

Описывая давно прошедшее время летописец несколько раз ностальгически замечает: «В те дни не было царя у Израиля, каждый делал то, что ему казалось справедливым» [10]. И хотя не всегда только справедливые по сегодняшним меркам деяния описываются в книге Судей, можно понять, чего опасались утратить потомки Иакова: хотя бы и слабое, но все же сохраняющееся еще в памяти осознание родства, единства, братства и через это осознание братства – свободные, по образцу семейных *доверительные* отношения. Притягательность этого образца не утратила силу и много позднее. По окончании эпохи царств эта пружина вновь распрямилась в христианстве: христианская общность идентифицирует себя не иначе как братство. Понятие «справедливое» в указанной цитате передается лексемой *יָשָׁר* (яшар), имеющей значения: прямой, честный, добросовестный, правильный, непринужденный, справедливый. В непринужденности, как свободе от принуждения, еще можно, пожалуй, усмотреть отблеск мысли Сократа об осознании необходимости, подхваченной позднее Спинозой в определении свободы. Впрочем, едва ли здесь можно говорить о каком-либо влиянии. Однако все остальные значения – уже точно из другого источника. Иными словами, вне государства, в родовой общине человек действует без принуждения, в свободе от внешней необходимости, исходя из внутреннего понимания: прямо, честно, добросовестно, справедливо. Это

понимание и было ценностью, которую требовалось сохранить. Таким образом, государство, ограничивающее власть Бога, одновременно воспринимается и как ограничивающее свободу в указанном смысле. Именно эту свободу Духа Господня разыскивает несколько столетий спустя Павел.

Справедливости ради следует отметить, что противостояние государству, как одна из практик и традиций свободы, включившая в себя опыт трех тысячелетий, там, где оно возникло три тысячи лет назад, сегодня не исчезло бесследно. Ультрарелигиозные группы в иудаизме смыкаются с крайне левыми террористическими образованиями, они выступают против государства, считают, что на земле, обетованной патриархам, не должно быть государства, там должен быть мир, основанный на почитании Бога по образцу большой семьи с характерными для такого мира чертами: прямота, честность, добросовестность, правильность, непринужденность и справедливость.

Такова одна из традиций свободы, которая прослеживается от книг Ветхого Завета до Павла.

Таким образом, христианам было, откуда взять сдержанное отношение к государству. К этому следует добавить, что именно тогда же иудеи окончательно утратили последние остатки государственной самостоятельности и были изгнаны из Палестины. Первые христиане не испытывали иллюзий в отношении государства, но в то же время и от чувственной составляющей психического восприятия мира по примеру индусских учителей отстраняться не торопились. Здесь был предложен совершенно особый путь, содержание которого, как представляется, оказывается сегодня практически полностью для понимания утраченным, в том числе, и для понимания европейцев, т.е. самих христиан.

Итак, традиция свободы, не связанная с государственным устройством, в христианстве имела место.

Следует подчеркнуть еще раз, что в христианском мире не удастся обнаружить никаких корреляций между категорией свободы, с одной стороны, и знанием, шире - разумом, с другой. С разумом, с античным разумом Анаксагора, Сократа, Платона и с атрибутами разума, такими как знание, здесь покончено. Длинные насыщенные противоречиями евангельские пассажи, подобные Нагорной проповеди, - это попытка разделиться с разумом. Потребовалось много времени, прежде чем окольными путями через арабское влияние, через дуализм Аристотеля и теорию двойственности истины Аверроэса, через знание, разум вновь заявил в Европе о своих правах. Незнание глупца (в пику Сократу) не есть его несвобода, в вопросе о подлинной свободе знание всегда есть, оно априорно, надо только открыть глаза, чтобы его увидеть и осознать, и потому всегда есть и ответственность: закрытые глаза - не основание для того, чтобы совершать непотребное.

Сократ в своих беседах с учениками был занят поиском разумных оснований, формулировок и условий свободы. Павел занят только открыванием глаз на то, что само по себе просто, понятно и не требует для понимания громоздких формул или долгого следования по линиям причинно-следственных связей. Иными словами, он пытается эту ускользающую из действительности свободу обрести, причем обрести одномоментно, сразу, в богооткровенном опыте вхождения в новый мир, однажды открывшийся и потрясший его своей мощью и величием. И если Сократ ищет свободу через достижение правильного знания о внешних обстоятельствах и о нравственных требованиях, знания, к которому он восходит через размышление и установление цепочки нужных суждений, неизбежно приводящих к определенным выводам, находит это искомое и теряет жизнь, то Павел делает то же через установление определенного отношения к миру, которое уже само и единовременным образом должно открыть для понимания сокровенное знание. И хотя жизнь он тоже теряет, такое впечатление, что что-то он и в его лице человечество все же при этом обретают.

Это был биоэтический проект, как мы сказали бы сегодня, т.е. было предложено человека изменить физически, создать человека другой природы, человека, у которого желание добра и желание, чтобы сделать оное, наконец, должны совпасть. Тем самым принуждение благого (нравственного) будет преодолено исходящим из чувственной природы (а не от разумных оснований) желанием блага и свободным волеизъявлением к благу. То, что названо нравственным, т.е. высшей ценностью, добром, и желание добра отныне должны совпасть в непринужденности и свободе.

Итак, утопический проект: создать нового человека. Эта мысль впоследствии сместилась несколько в сторону метафоры, при том, что на практике все же поддерживалось понимание того, что крещение это переход в новый мир, мир нового человека. И Павел находит средство выражения, которое делало для окружающих его иудеев понятной эту мысль: надо сделать обрезание в сердце («Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога» [11]). Благо, что для такого фигурального толкования имелось прямое указание в Ветхом Завете и там же имелась прямая отсылка к цели такого действия - пробуждению чувственной природы и некоторому изменению ее направленности, в данном случае это пробуждение любви к Богу, той самой, которую уловил Спиноза (к слову сказать, взамен неоднократно упоминаемого в Ветхом Завете в таком контексте страха [12]): «И обрежет Господь Бог твое сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всей души твоей, дабы жить тебе» [12].

Аналогичную метафору находим в Книге пророка Иеремии: «Обрежьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть с сердца вашего, мужи Иуды и жители Иерусалима» [13] и в Псалтири: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» [14].

Таким образом, идея изменения физической природы человека имеет корни в ветхозаветной традиции.

Понятно, что ни о каких режущих поверхностях здесь с самого начала речь не шла. Но тогда о чем же шла речь? что такое обрезание в сердце, в результате которого на свет является любовь? Вопрос, адресованный христианам и тем, кто в теме, стоит так: было ли предложено какое-либо практическое средство для обретения человеком своей новой природы и, если да, то какое это средство?

Маленькое отступление. Эффект от того, что было предложено, можно было бы проиллюстрировать такой цитатой:

«Добавим сразу же, что, с другой стороны, самим фактом обернувшейся на себя, выступающей против себя души животного на земле появилось нечто столь новое, глубокое, неслыханное, загадочное, противоречивое и перспективное, что благодаря этому сама конфигурация земли претерпела существенное изменение. Действительно, понадобились божественные зрители, чтобы отдать должное завязавшейся таким образом комедии, чей исход остается еще совершенно непредвиденным, — слишком утонченной, слишком чудесной, слишком парадоксальной комедии, чтобы позволительно было разыгрывать ее бестолково неприметным образом на каком-нибудь забавном созвездии!» [15].

У Ницше, как всегда, ничего не убавить, не прибавить: душа животного, обернувшаяся против самого человека, это та ее часть, в которой не живет доброе. Добавлю, что не только концовка непонятна, но и начало этой истории постоянно ускользает из поля зрения.

Конечно, Ницше говорит не о христианстве, он говорит о том, как возникает человечество, как возникает человек, первоначально - неизбежно с ощущением на себе «ошейника общества и мира», и как в какой-то момент ограничительную функцию этого ошейника он научается преодолевать. И все-таки цитата уместна. Дело в том, что человечество возникает и в христианстве тоже, в том числе, в христианстве, может быть, даже по преимуществу в христианстве. Кроме того, хотя автор и называл себя порой антихристом, он все же был европейцем, воспитанным в христианских традициях. Я привел эту цитату, имея намерение подвести читателя к мысли о том, что решение было предложено исключительно нестандартное, непохожее ни на какие другие известные из истории решения, и в результате принятия которого у человечества в некотором смысле открылись новые горизонты.

Кроме того, необычность этого средства заключается еще и в том, что по странному стечению обстоятельств, уяснение причин которого должно стать предметом отдельного исследования, философский контекст, в котором прозвучало евангельское Слово, и подлинный смысл этого Слова были в короткий срок в памяти и в понимании большинства утрачены. Для большинства поменялась только вывеска, поменялись некоторые названия и формы, но суть осталась прежней. По сути дела для этой части христиан выход из состояния, поименованного в христианстве язычеством, в новый мир так и не состоялся, последствия чего мы, собственно, и наблюдаем сегодня. Осталось в памяти только осознание неизбежности выполнения нравственного требования, чем не преминуло воспользоваться государство. И еще, можно все же предположить, осталось ощущение света, как после яркой вспышки, сознание близости правды, которая действительно открывается тем, кто пытается к ней приблизиться.

Что касается отдельных людей, то им при наличии некоторого усердия смысл доктрины иногда открывался. Ключевое слово здесь иногда. Как это происходило, поясним чуть ниже.

Итак, что же было предложено для достижения указанных целей?

Если бы этот опус был не статьей, предназначенной для публикации, а лекцией, то здесь было бы уместно вовлечь аудиторию в интерактивное взаимодействие и провести небольшое социологическое исследование в целях установления того, в каком процентном отношении находится правильный ответ на вопрос о предложенном средстве к общей массе представленных. Чтобы уяснить насколько далеко сегодняшняя Европа отстоит от понимания своих собственных корней. Чтобы еще раз подтвердить предположение о том, что сегодня радикально и как будто бы безвозвратно утрачено понимание того, каков в историческом контексте подлинный смысл и пафос христианского революционного проекта. Следовало бы предложить аудитории и каждому слушателю в ней написать на листе бумаге слово, или два, или три слова, которые обозначают, по его мнению, это средство, но с условием, чтобы без предварительного совещания с соседями, листы эти сложить, собрать по рядам и передать лектору. За неимением лучшего, я предложил бы каждому читателю этих строк в порядке содействия развитию научных знаний на этом месте отложить текст, записать слово, а по прочтении статьи отправить свое мнение автору по указанному в анкетных данных электронному адресу. Полагаю, это даст подтверждение имеющемуся у меня предположению о состоянии дел в умах моих современников.

Предполагаю, что правильные ответы едва ли превысят порог пяти процентов, и при изучении каждого случая из этих пяти процентов достижение правильности окажется результатом скорее

случайного попадания. Я говорю это с полной уверенностью, поскольку твердо знаю, что люди, населяющие сегодня цивилизованный мир, независимо от их исповедания и уровня образования, в том числе христиане, практически в полном составе не осознают того контекста в котором впервые было произнесено христианами слово «вера». Потому что речь идет именно о вере.

Этот контекст, полагаю, был в понимании полностью утрачен и до настоящего времени остается не реконструированным.

Феномен веры фигурирует в четырех областях знания и жизнедеятельности человека, это гносеология, психология, философия и религия. Если открыть любой справочник по этим дисциплинам, любое учебное пособие или иное издание на любом языке, то можно найти десятки, может быть, сотни самых неожиданных определений веры. Приведем ниже некоторые из них:

особое психическое явление;
особое состояние психики;
особое свойство психики;
неотъемлемое свойство человеческой души;
универсальное свойство человеческой природы;

автономный психический феномен;
фундаментальное состояние сознания;
особая реальность;
сверхсознательная связь с объектом;
феномен, укорененный во внесознательной сфере психики;

бог вдохновенный ответ человека на Божье объявление в истории человечества о приходе Иисуса Христа;

одна из главных добродетелей;
воссоединение человека с Богом;
важнейшая составная часть мировоззрения верующего человека; проникающая во все элементы его жизни;

результат действия потребности человека обмениваться опытом с другими людьми в ходе совместного труда и обобщения опыта;

благодать, даруемая Богом...

и т.д.

Во многих определениях присутствует слово «некоторое» (состояние, свойство, явление и т.п.), обнаруживающее неопределенность на стороне понимания. В подавляющей части определения исключительно далеко отстоят от понимания веры как признания чего-либо истинным, т.е. от исходной позиции.

Все это говорит, конечно, о том, что у людей сегодня нет равным счетом никакого понимания относительно того, что собой в действительности представляет феномен веры. Если принять во внимание те огромные объемы посвященной вере литературы, написанной на протяжении нескольких тысячелетий на разных языках, и дающей все новые и новые объяснения и определения феномену веры, если учесть, что в психологии, имеющей все основания называться

научной дисциплиной, вера представляется как маргинальный элемент, неожиданно появляющийся и исчезающий то там, то здесь, то можно констатировать, что в вопросе о вере человечество пришло к полному ступору и просто не понимает, что с этим делать.

Вместе с тем, все недоразумения снимаются, если исходить из того, что это понятие гносеологического ряда, согласно одной совершенно частной точке зрения, в какой-то момент было избрано и как бы принудительно «назначено» главным инструментом жизнедеятельности человека. Инновационный характер этого средства проявляется именно в этом волевым «назначении». Указанная точка зрения по ряду причин чрезвычайно распространилась и стала доминирующей в некотором регионе. Сегодня молчаливо признается, что вера фигурирует в числе других понятий в системе христианских (и иных исповеданий) ценностей в силу того, что представление о вере является представлением повсеместно принятого религиозного ряда более общего порядка. Однако дело обстоит равным счетом наоборот. Вера никогда не числилась в рядах такого рода понятий, а все, что мы можем обнаружить в этом вопросе в нехристианских культурах, следует квалифицировать не иначе как победное шествие европейского образа мышления и медленное, с одной стороны, неосознанное навязывание (продавливание), а с другой, восприятие и усвоение европейских мыслительных образцов. Конечно, требуются особые пояснения относительно санскритского термина «шраддха» и китайского «синь», широко распространенных на соответствующих территориях влияния, эти разъяснения и прилагаемые к ним исследования в дополнение к ранее написанному [16] я намерен опубликовать в обозримом будущем.

Вера это инструмент христианской доктрины, по сути, пробное предложение, прозвучавшее в рамках одной отдельно взятой теории, т.е. понятие и категория, конечно, гносеологического ряда, но, что существенно, также историческое, а не религиозное, не психологическое, не физиологическое, не физическое и не метафизическое.

Религиозная составляющая веры возникает вместе с христианством. Из христианского философского и религиозного дискурса вера проникает в иные культурные пространства в христианской и в иных сферах влияния, после чего как сумма вторичных отражений формируется представление о религиозной вере, которое, в свою очередь, едва возникнув, «принимается» за новое оформление и организацию собственно религиозной сферы. Однако в данном случае эти процессы, по сути, не более чем обман интеллектуального зрения, что-то вроде оптического эффекта. В этот момент происходит подмена частного понятия общим, и вместе с этим надолго утрачивается память об историко-

культурном контексте возникновения и подлинном содержании доктрины, что обуславливает появление в последующем существенных искажений в оценке некоторых реалий.

На веру пал выбор. Случай этот уникальный, поскольку ничего сходного в иных культурных регионах предложено не было. Этот случай даже не был предусмотрен методологически уже сложившимися классификационными системами. Если раньше человек мог помышлять только о том, чтобы случайно угодить богам, то теперь в деле созидания он оказывается даже чуть впереди самого Бога.

Отличительной чертой веры является то, что в этом понятии пересекается волевая, эмоциональная и когнитивная составляющие психической деятельности человека. Надежда и любовь, категории, часто упоминаемые в одном ряду с верой, лишены таких качеств. То есть задействуется вся сфера психической деятельности. Тем самым человек выделяется, ему вручается средство, ему дается шанс и к этому шансу - бесплатное и бесценное приложение - свобода.

Ветхозаветные тексты были проштудированы первыми христианами на предмет обнаружения веры в психических процессах ключевых персонажей в поворотных точках исторического повествования. Разумеется, новозаветное повествование было угадано (предугадано) и расшифровано как полностью замкнутое на этот акт психической активности.

Ведь, в том случае, если бы сострадание не родилось в душе человека, услышавшего весть о распятом Боге, то Сын Божий, даже будучи воскрешенным Отцом, не стяжал бы в воскресении своем славы, люди о том не узнали бы и не захотели бы узнать, человек и Бог удалились бы при этом каждый к себе, каждый в свой мир, в свое пустое пространство, и там следы каждого уже были бы обречены на то, чтобы затеряться окончательно и навсегда. Иными словами, если сострадание не рождается, то в этом случае по большому счету утрачивает что-то важное каждая из сторон, утрачивает так много, что после этого неизбежным образом теряется и сама. Таким образом, сам смысл происходящего притягивает и сближает разные части повествования (разные повествования) и требует их соединения в одно. Бог объективно воскресает в славе, потому что непосредственно перед этим он воскресает субъективно в душе человека. Внешнее воскресение есть только слабый отблеск подлинного воскресения души.

Чрезвычайно легко было для каждого, кто внимал христианскому проповеднику, принять новость за доброе послание (греч. - евангелие), направленное к нему лично, послание о том, что вера лежит в основе мира, потому что уже при первом усвоении этой вести прозелит обнаруживал в себе именно веру, т.е. способность признания чего-либо истинным, которую оставалось только задействовать.

Причем не задействовать было уже невозможно, поскольку цепочка связанных одно с другим положений воспроизводилась всякий раз после этого обнаружения сама собой. Так, сразу обнаруживалось, что на карту поставлена судьба Вселенной и жизнь самого Бога, умершего на кресте с верой в то, что человек не станет стыдиться и гнать зарождающееся в нем сострадание, но даст ему волю, и оно вступит в силу. Достаточно было дать понять, т.е. подтолкнуть к самостоятельному пониманию того, что человеческая душа, наделенная свободой воли, есть единственное в мире свидетельство о Боге, о Славе, о Спасении, что след Бога в объективном мире – это, в конечном счете, видимое отсутствие Его следов. Есть только Бог, человек и Ничто, из которого организуется мир добра и правды. Об этом почти ничего прямо не сказано именно потому, что понимание должно быть достигнуто каждый раз только в самостоятельном поиске. Глаз Бога и глаз человека это один глаз, вера Бога соединяется с верой человека, и любовь творит мир из ничего.

Продолжу автоцитатой:

«Как и всякому концептуальному построению, учению о вере, чтобы стать руководством к действию и отложиться в убеждении, необходима все та же вера... Каждый размышляющий о христианстве в какой-то момент неизбежно приходит к пониманию, что он размышляет о самом себе, пребывающем в действительном качестве (здесь и сейчас), в этой точке доктрина проецируется познающим на себя, познающий включается в умопостигаемый, еще только предполагаемый им в качестве гипотезы мир, который при этом перестает быть гипотезой. Христианство рождается каждый раз заново в одиночном созерцании, в субъективном видении, всегда непосредственно здесь и сейчас, в том числе и там, где осуществляется прочтение вот этого текста (всякого толкующего об этом текста). Это необычная материя: она не может быть принята субъектом для осмысления и изучения так, чтобы при этом сам субъект не оказался бы принят и заключен в стихию изучаемого и не подвергся бы со стороны этой стихии определенному воздействию в момент изучения. Материя, обладающая таким свойством, известна в программировании, об объектах такого рода здесь говорят, что они поражены информационным «вирусом» либо же, что они сами и представляют собой подобные вирусы...

Определяющей идеей христианской доктрины является идея личности – личность, субъективное начало вообще не только допускается, но активно призывается здесь к существованию в режиме реального времени.

Этот мощный призыв, адресованный к познающему субъекту из самой стихии познаваемого и ориентированный на отклик из самых потаенных глубин субъективного начала, призыв, который, будучи заложен в пользовательскую программу, в конечном счете,

оказался способен перестроить на новый лад всю операционную систему самого пользователя, дает основание говорить о христианской доктрине как о программе, пораженной информационной вирусом. Христианство в его законченной форме как пользовательская программа представляет собой вирусный программный продукт, приспособленный для «взлома» системы безопасности индивидуального сознания. Очевидно, что вирус был заложен в пользовательскую программу уже при ее создании и последующей отладке. По замыслу создателей доктрины, защита должна была быть снята, а индивидуальное начало – подвергнуто рискованному эксперименту. Первая в истории «хакерская» атака, объектом которой стало само человеческое сознание, повлекла перестройку сознания доброй половины человечества. Соблазнительным телом вируса является сообщение о самопожертвовании, которое совершает сам Бог. При принятии пользователями этого интригующего сообщения вирус «зомбирует» пользовательские операционные системы, отключает защитное программное обеспечение и, устанавливая модуль пересылки, формирует из ничего не подозревающих пользователей сеть, называемую здесь христианским всемирным братством, которая впоследствии используется посвященными «спамерами» для несанкционированных рассылок сообщений о жизни, смерти, ответственности, сострадании и любви к ближнему. При этом каждый вновь обращенный через короткое время становится активным «спамером». Возникающая таким образом сетевая структура состоит из людей, для которых жертвенная кровь Бога становится подобием родственных уз. Все они тайные участники заговора, но не между собой, а с Богом, с которым каждый из них уговорился (по Новому Завету) принять Его жертву и, следовательно, согласился взять на себя ответственность за Богоубийство. Их отличает чуткость к вопросам ответственности и морали, а также способность высокой концентрации сознания на ускользающей психической структуре, называемой «Я». Их исповеданием является крамольная идея о стихии индивидуального начала как о высшей ценности. По сути дела, именно благодаря действию указанного информационного вируса впервые оказалось возможным на планете Земля произнесение слова «Я» от первого лица, - при этом, по словам Ницше, «сама конфигурация Земли претерпела существенное изменение». Можно предположить, что такое объединение людей представляло собой в человеческом обществе некое совершенно новое образование. При таких исходных данных, даже не зная последующей истории человечества, можно было бы изначально предсказать, что прямым последствием этой «хакерской» атаки должно стать формирование в смысловом поле ноосферы - гуманистической

культуры в качестве стратегической линии развития вида *Homo sapiens*» [16].

Применительно к нашей теме имеет значение то, что волну понесли люди способные и готовые услышать новость как благую весть, адресованную непосредственно к ним, к каждому, именно эти люди, которые позднее станут носителями либеральных идей, избрали термин для вновь услышанного – не просто новость в ряду других новостей, но благая весть (евангелие), адресованная непосредственно каждому внимающему, и понесли волну. Остальных (вечно сомневающимися и черпающих сомнения из самих себя последователей апостола Фомы) просто увлекло потоком, им не оставалось ничего иного, как только приспособиться.

Таков этот проект, в котором вера как представление совместно с верой как эмоциональным состоянием формирует веру как волевой акт, направленный на преобразование мира. Этот проект, безусловно, был рассчитан на короткие сроки.

Этот утопический проект первых христиан, конечно, претерпел полный провал, если иметь в виду формирование иной природы человека. Однако этот проект как уже сказано предполагал и включал в себя некоторое количество аксиоматических положений, догадок о человеческой природе и ее свойствах. Проект создан исходя из представления о ценности человеческой жизни, об индивидуальной свободе, о достоинстве личности. И хотя цель, достижение которой, исходя из указанных положений, должно было стать необходимым и неизбежным, достигнута не была, и даже, несмотря на то, что попытки достичь эту цель принимали на протяжении двух тысячелетий порой совершенно уродливые формы, сами эти предположения оставались в сохранности и в состоянии, доступном для понимания, так что, в конечном счете, обнаружили собственную ценность и значимость. Христианское понимание ценности и значимости человеческой личности и присущей ей свободы, освобожденное от религиозной составляющей, стало основанием для создания и провозглашения первой декларации прав человека, явившейся катализатором формирования либерализма, востребованного к тому моменту обществом, вновь строящимся на *разумных* основаниях (на этот раз – основаниях Просвещения). Сократовскому разуму не хватало вот этого понимания, чтобы выжить. В современном обществе в системе представлений о государственном управлении от античности идет идея разума и разумное демократическое устройство политической системы. Идеи свободы личности и прав человека ведут родословную от христианства.

Поэтому если с этих позиций еще раз оценить первоначальный биоэтический проект, то, пожалуй, не следует так категорически утверждать, что он был утопическим, что-то все же было, наверное, изменено в человеческой природе

вопреки естественному ходу развития, образцы которого дает история нехристианских культурных регионов.

Еще раз:

«Первая в истории «хакерская» атака, объектом которой стало само человеческое сознание, повлекла перестройку сознания доброй половины человечества».

Человек ответственный (Homo responsabilis), находящий основания для нравственной ответственности в своей собственной человечности, это в некотором смысле совсем новая природа. Вера для христианина это трудный волевой акт, результат подлинно свободного экзистенциального выбора, порождающего измышленный, спорный, но по своим последствиям как будто бы все же реальный акт любви.

Вообще удивительно, что после всего написанного в европейской культуре о свободе воли через две тысячи лет после возникновения христианства у европейцев еще могли оставаться сомнения в том, что традиция свободы в Европе имеется, и что она ведет свою родословную именно и в первую очередь от христианства. И здесь, внутри христианства категория свободы, как уже сказано, неотделима от категории ответственности. В этом поле по-другому и не мыслится. Потому что человек здесь почти Бог, и, хотя это не признается прямо (в религии как одной из форм психологической защиты многое не признается прямо), на это имеется прозрачный намек в символике: Сын Человеческий - тоже Бог, и можно допустить, что и Дух Святой – от Него тоже. Память о тех трагических часах, когда Бог умер, но еще не воскрес, и только в человеческой памяти робко еще сохранялась надежда, здесь не забыты. Еретическая традиция объявления человеком себя пророком, мессией, Христом и даже Богом выросла здесь не на пустом месте. Свобода – трудное поприще, ее нельзя обрести, минуя путь осознания ответственности каждого шага, каждого помысла, а также каждого воздержания от шага и от помысла здесь и сейчас за судьбу мира. Поэтому нельзя согласиться с мнением о том, что либеральная идея предполагает или хотя бы только допускает в целях удовлетворения каких бы то ни было нужд хищение, насилие, убийство, - это совершенно произвольный, ни в коей мере не оправданный и необоснованный взгляд. Соответственно, образ либерала не совпадает и с образом всепрошенца, мягкотелого увальня, снимающего с себя последнюю рубашку, такое понимание следует отнести к издержкам поверхностного образования. Вопрос прощения не посторонний для христианства и для либерализма, как его секуляризированной формы, но прощение – это тоже трудное поприще, и не всякому дано прощать. Впрочем, это уже выходит за рамки настоящего рассмотрения.

Да, европейцы в лице современной академической науки в некотором роде не справились с собственным философским

наследием, с собственной традицией, не смогли сохранить преемственность, осознать ее. Это проявляется по-разному, не только либерализм, но многие явления европейского культурного круга оказываются в статусе как бы случайных по своим истокам образований. Вместе с тем, такие явления и тенденции как:

- европейская наука (рассмотрение объекта так, как этого требует сам этот объект, а не через навязанное понимание общего, номинализм, позитивизм);

- искусство (необычайное разнообразие его форм и теоретического осмысления, как прямое последствие положения доктрины о сотворении мира из ничего);

- политика и государственное устройство (либерализм как свобода индивида, созидющего себя самостоятельно, и права человека как выражение уважения к этой свободе (ни что иное, как секуляризованное христианство));

- мораль как *modus vivendi* семьи, спроецированный на мир, сообщество братьев и сестер, братство как социальный норматив (в противовес шовинистическим теориям), но при этом не выходящий за пределы вида *Homo sapiens* (в отличие от последователей индийских школ, практикующих ахимсу, выразителей иных форм гилозоизма);

- отдельные идеи (монотеизм, смерть Бога, секуляризация, Троица и диалектика, философия нестабильности, биоэтика);

- философские направления (социализм, позитивизм, философия жизни, экзистенциализм, персонализм, марксизм, психоанализ), не говоря уже о генеральной линии:

- патристика, схоластика, Возрождение, Просвещение, немецкая классическая философия, все эти явления представляют собой прямое развитие христианских идей, заложенных в своих основаниях порой уже в евангельский сюжет. Не сомневаюсь, что разрыв этот рано или поздно будет осознан, преемственность восстановлена.

Если мы зададимся вопросом о том, каков тот ресурс, который позволил охватить столь различные области знания и человеческой жизнедеятельности, то рано или поздно мы придем к единственно возможному ответу: это концепт свободы. Сопоставление христианства с исламом на модели наглядно обнаруживает этот ресурс в христианстве и его характерное отсутствие в исламе [17, 138-157].

Видимо, Просвещение следует считать условно «точкой» отрыва от корней и началом зарождения первого поколения европейской философской безотцовщины. Теперь, увы, это пока еще тоже традиция.

Здесь мы приблизились к тому, чтобы сделать давно напрашивающийся, но странным образом ускользающий вывод, от которого потянется цепочка, с одной стороны, к теории пассионарности Л.Н.Гумилева, а с другой, - к нашей собственной теории религиозного сознания как сознания,

находящегося в пограничной зоне непрекращающегося конфликта между двумя возможными формами существования «Я». Представляется несколько странным, что две эти указанные выше либеральная и консервативная (традиционная) системы ценностей, два эти образа мыслей сосуществуют совершенно независимо один от другого, я имею в виду отсутствие элементарной взаимной коррекции и влияния. Действительно, - и это, наконец, требуется признать прямо и определенно - сторонники двух извечно противостоящих один другому лагерей, т.е. каждый из этих сторонников приходит в тот или иной лагерь не в силу своих убеждений, не в силу того, что разумно оценивая систему аргументации той и другой стороны, он находит несравненно более убедительной одну из них, а во второй обнаруживает неверные послышки или ошибки в построении модусов той или иной фигуры категорического силлогизма, а в силу того, что он устроен некоторым образом чуть иначе, чем сторонники другого лагеря, т.е., иначе, почти на физическом уровне, он органически представляет собой иную норму. Это следует признать явно, поскольку с этим мы сталкиваемся постоянно и почти уже привыкли к этому: переубедить сторонников иного лагеря практически невозможно. Какие бы начальные условия мы ни задавали на входе, какую бы реальную или только предполагаемую ситуацию мы ни анализировали, каждый реальный «черный ящик» (мыслительная система конкретного человека) физически устроен таким образом, что решение на выходе всякий раз неизменно оказывается пригодным только для одного, причем всегда для одного и того же смыслового регистра и при этом признается совершенно не приемлемым для другого.

Следовательно, люди, составляющие человеческое общество, помимо того, что они различаются по принадлежности к разным расам, этносам и языкам, помимо этих различий и независимо от них, делятся (всегда или иногда) дополнительно еще на две группы по некоторому критерию, это почти биология, переходы из одной группы в другую совершенно невозможны, разумный диалог с целью переубеждения абсолютно исключен. И этому, по-видимому, не обучаются, каждый сам занимает место в строю, выбирает, когда приходит время, в какой зоне ему жить, в «красной» или «черной», выбирает себе свой мир для проживания.

Здесь необходимо сделать оговорку относительно терминологии. Термин «красная зона» я употребляю не в эпидемиологическом смысле. Это выражение заимствовано мной из словаря спецконтингента, заполняющего пенитенциарные учреждения России. Все исправительные учреждения в России неофициально, с точки зрения осужденных, делятся на «красные» и «черные», и это деление представляется мне исключительно удачным для нашей темы, посвященной либерализму. «Красная

зона» это исправительная колония, в которой местное исходящее снизу самоуправление полностью уничтожено или сведено к минимуму. Никакие вопросы внутренней жизни арестантского сообщества не отнесены к компетенции местных лидеров и их иерархий, как бы их ни именовать, само лидерство и соответствующая иерархия разрушены здесь путем последовательного применения воспитательных, исправительных и порой жестких карательных мер. Все эти вопросы урегулированы законом, подзаконными актами и дополнительно принятым здесь порядком, соблюдение которого отслеживается администрацией учреждения через систему мер поощрения и взыскания. Те практикуемые здесь формы, которые отдаленно напоминают самоуправление, полностью организованы и контролируются администрацией, являются ее вспомогательной структурой, широко использующей методы доносительства, и по существу самоуправлением не являются. Отношения между спецконтингентом и администрацией крайне формализованы, здесь действует в первую очередь буква закона, а не его смысл, при этом осужденный крайне мало защищен в случаях превышения представителями администрации должностных полномочий или злоупотребления ими. В условиях «красной зоны» арестанту исключительно трудно отстоять мнение, которое не разделяет администрация, нравственная составляющая личности часто подвергается грубой ломке. Только беспрекословное, иногда связанное с унижением подчинение установленному порядку способно обеспечить здесь спокойствие и относительную уверенность в завтрашнем дне. Степень личной свободы здесь минимальна. В так называемых «черных зонах» неформальное самоуправление реально существует, действует система неформальных представлений, включающая разделение арестантского сообщества на кланы и страты, однако внутри кланов человек относительно свободен, имеет возможность выбора между разными вариантами тактических и стратегических решений. В какой-то мере он защищен от давления администрации, однако не застрахован от злоупотреблений этой свободой со стороны других членов этого или других кланов. В отстаивании свободы в доступных пределах и в разрешении конфликтов здесь допускается состязательность, апеллирование по большей части осуществляется к смыслу действующего правила, а не к его букве, будь то закон или иной обычай. «Черная зона» это своего рода компромисс между императивным характером уголовно-исполнительного законодательства и потребностями человеческой природы в автономном существовании в условиях диспозитивного регулирования отношений. По общему мнению осужденных, «черная зона» вполне пригодна для проживания для подавляющей части осужденных, чего нельзя сказать о «красной» (вспоминаются слова одного осужденного,

встреченного мной в период осуществления адвокатской практики: «Что бы не жить на «черной»? будь человеком и живи себе, если ты человек, если что-то из себя представляешь, а вот попробуй-ка выжить на «красной...»). «Красные» и «черные» «зоны» представляют собой хорошие модели современных тоталитарных и демократических государственных устройств (думаю, многие граждане СССР могли бы присоединиться к реплике: «Попробуйте-ка, что называется, выжить...» (многие, но не все)).

Вернемся теперь к моменту выбора человеком своего мира для проживания. Следует на мгновение сосредоточиться на этом значимом, но ускользающем моменте, моменте экзистенциального выбора. Задача здесь стоит таким образом: надо понять, успеть понять, почему выбор этот столь фатально предопределен и неотвратим.

Осмелюсь предположить, что фатальная предопределенность этого выбора обусловлена тем, что человек выбирает не условия своего существования во внешних обстоятельствах, не путь своего продвижения во внешнем мире, а то, что вообще следует считать внешним, т.е. избирает, собственно, внутреннее, потому что внешнее это всегда только сухой остаток внутреннего, то, что остается за пределами внутреннего. Таким образом, прежде чем выбрать свой мир для проживания, человек избирает первоначально самого себя, выбирает то, что ему следует в дальнейшем считать самим собой. В этот ответственный момент внимание обращено на некоторую пограничную проблемную область, и сам выбор состоит в проведении демаркационной линии между Я и не-Я, черты, по одну сторону от которой все еще пребывает Я, а по другую - уже начинается Другое. Понятно, что здесь речь идет об области вторичных, духовных, а не первоочередных физических потребностей, поэтому если к первичным потребностям относится само индивидуальное, единичное Я, то здесь речь идет о Я-социальном, о Я-большом, коллективном, которое по существу является не столько самим Я, сколько тем, что ему передано в управление, т.е., строго говоря, представляет собой притяжательное дополнение Я, его Мое, его «Мой мир». При такой конвенциональной заставке индивидуальное Я и Мое в совокупности образуют большое Я, Я-коллективное.

Выбор обусловлен характером развития внутренней свободы и особенностями формирования нравственной составляющей. Если степень развития внутренней свободы и соответствующей ей экзистенциальной ответственности относительно невысоки, если в Я-большое входит в качестве необходимой составляющей «мое общество», а в «мое общество» в качестве его существенного элемента - властные структуры государства, то выбор падает в пользу консерваторов-патриотов, человек ощущает свой этнос, свое государство и его лидера как свое

большое Я, при этом его личная свобода существенно ограничивается, а его «подлинное» индивидуальное Я в значительной степени смещается на периферию большого Я, которое становится теперь аттрактором всего «подлинного». Эта часть общества ратует за сильную государственность, сила здесь одна из главных открыто декларируемых личных и общественных ценностей, люди из этого лагеря стремятся к силе, к тому, чтобы самих себя ощущать сильными, осознание, осмысление и переживание своей силы становится главным экзистенциальным проявлением. И эта сила приходит здесь через государство. Агрессивная политика государства по отношению к внешним и внутренним врагам находит понимание и поддержку, поиск врага становится настоящей, хотя и скрытой потребностью. В крайних проявлениях это может привести к полному самоуничтожению самого носителя этого образа мыслей и этой социальной идеологии - подлинного индивидуального Я, индивид начинает довольствоваться малым, оправдывает свое порой скудное существование, непрерывно оглядываясь на большое Я. Смерть становится навязчивой идеей («Мне за народ очень помереть хочется» (Лесков Н.С. Очарованный странник («народ русский» - уточняется в киноверсии 1963 г.)) [18], потому что сдача позиций перед большим Я приводит к тому, что личная добровольная жертвенная гибель оказывается теперь едва ли не единственным доступным способом экзистирования. Верно и обратное, слабость государства, промахи правителя способны вызвать фантомные боли уязвленного патриотизма. Однако, как уже отмечено, сила приходит здесь вместе с государственностью, т.е. вместе с субстанцией, привносимой в Я извне. При таком подходе очевидно, что личность ищет и обретает силу за пределами себя самой, т.е. является изначально и по существу, по своим собственным глубоко личным переживаниям и внутренне ощущаемым ресурсам крайне слабой, несостоявшейся, зависимой и не способной на принятие ответственных решений.

Если степень развития внутренней свободы не позволяет рассматривать другого члена общества как носителя качественно иного уровня свободы и иной степени ответственности, то лидер общества не допускается в Я-большое, в этом случае выбор делается в пользу либеральных ценностей. Либерализм в этом подлинном смысле это выбор сильных, выбор людей, способных к принятию ответственных, трудных решений и уже принявших опасное решение о согласии проживать среди таких же свободных и в чем-то непредсказуемых людей при отсутствии опеки со стороны патриархального государства. Можно согласиться с А.О.Баумейстером: либерализм затеял опасную игру, - да, страсти кипят, только здесь все по-настоящему, никаких придуманных правил, и ставка, как в том кино, больше чем жизнь. Кто на той стороне поля: Случай? Судьба? Бог? - здесь об

этом не спрашивают. Об этом здесь хранят молчание. Проблемы либерализма это проблема неподготовленности среды. Либерал должен понимать, что окружающее общество нельзя мерить собой, это всегда влечет перекос в отображении и вносит протагоровское искажение в формируемую картину мира.

Это же правило сохраняет свою силу и для консерваторов.

Теперь несколько слов о том, что такое либерал и консерватор с точки зрения нравственности. Для целей данного исследования условимся подразумевать под нравственностью способность индивида действовать в интересах другого или других (всего общества) в ущерб своим собственным потребностям и интересам. При таком определении мы обнаруживаем четыре типа индивидов, различаемые по их отношению к нравственной составляющей.

Первый тип: бессознательный носитель требований социума, назовем их здесь требованиями Я-коллективного.

Второй тип: просто нравственный человек (первый жертвенный тип) – человек, *осознавший* требования Я-коллективного, как свои собственные внутренние требования преодоления своей физической природы для общего блага, принятые в результате свободного волеизъявления. По своему поведению этот тип представляет собой точную копию бессознательного носителя требований Я-коллективного (первого типа). Различие здесь только внутри: неодинакова природа сил, обуславливающих одинаковые решения в одинаковых условиях. Пока это осознание не произошло, необходимость для установления внешнего регулятора отсутствует, стихия, обуславливающая нужное содержание мыслей индивида, действует безотказно и бессознательно внутри каждого члена социума. Однако в процессе осознания часть индивидов не соглашается с требованиями Я-коллективного и поднимает против его диктата отчаянный мятеж. Осознание необходимости сдерживания этой группы обусловило необходимость создания нового типа организации социума - государства, при котором становится возможным действие нового фактора - законодательства. Основываясь на писаной норме закона, государство принимает на вооружение широкий ассортимент таких инструментов как наказания. Однако уже с момента своего появления бунтари разделяются на две категории, это:

- третий тип: чистые эгоисты и

- четвертый тип: эгоисты жертвенного типа (второй жертвенный тип).

Эти последние в поведении представляют собой точные копии людей первого жертвенного типа, однако предметом их жертвенности (целью их деятельности) является уже не благо (ценности) общего дела (социума, республики, государства), а благо (ценности) самих этих эгоистов (здесь впервые начинают говорить о правах человека) и их сообщества. Здесь в силу уже знакомой нам

протагоровской аберрации неявно полагается, что любое человеческое общество всегда состоит именно из таких людей.

Таким образом, современное общество с некоторыми оговорками образуют люди четырех типов нравственного поведения (указаны в порядке возрастания рефлексии):

- носители Я-коллективного (рефлексия минимальна);

- просто нравственные люди (первый жертвенный тип) (действуют всегда в локальном, жестко или не жестко детерминированном социуме);

- чистые эгоисты (не объединенные в сообщество агрессивные индивиды – накопители, предприниматели, эксплуататоры, склонные к злоупотреблениям функционеры (в том числе, чиновники), преступники и проч.);

- нравственные эгоисты или эгоисты жертвенного типа (анархисты, бунтари-пассионарии, люди творческих профессий, меценаты-благотворители, воры в законе, прочие организованные и неорганизованные маргиналы, не считая паразитического элемента, каковой всегда и везде в достатке (здесь подлинны либералы - рефлексия максимальна)).

Первые два типа примыкают к консервативному лагерю, два других типа пополняют ряды либералов.

Теперь если посмотреть на различные идеологические, религиозные, политические сообщества под этим углом зрения, то можно разделить их по разным уровням в зависимости от их внутреннего настроения и потенциала.

Так, можно понять, что христианство в своих потенциальных глубинах нацелено на преобразование общества в свободное сообщество эгоистов жертвенного типа (все негосударственные христианские деноминации в большей или меньшей степени приближаются к этому идеалу).

Строители коммунизма времен большевистского переворота и первых лет советской власти относятся, безусловно, к первому жертвенному типу, эти люди отработывали установки исключительно Я-коллективного, причем еще только прогнозируемого, ожидаемого («мы сами готовы горючим лечь в хлебоплавильную печь» (В.В.Маяковский)).

Можно было бы поупражняться в осмыслении других известных нам из истории религиозных (буддизм, конфуцианство, ислам и др.) и иных идеологических доктрин (нацизм и т.п.), если бы это не выходило за рамки заявленной темы.

Неразличение до сих пор указанных категорий людей неизменно порождало большую путаницу и побуждало к многочисленным дискуссиям среди представителей различных социальных, религиозных и политических сообществ, которые заведомо не могли ни к чему привести, потому что дискутировать надо было не для того, чтобы избрать из двух одну платформу для всех (это утопический проект), а для того, чтобы найти

компромисс. Именно этому неразличению обязано своим появлением народное, вплоть до грубо-частушечного истолкование либеральной идеологии, с одной стороны, и признание краха либерализма, с другой. В основе того и другого лежит не достаточно высокий уровень развития исторического сознания, проницательности и способности к обобщениям.

Теперь несколько слов об отрыве от корней и о том, как это все оказывается связанным с теорией религиозного сознания.

Теория, о которой идет речь, сводится к следующему. Религия (во всех аспектах и последствиях) представляет собой результат работы одного из механизмов психологической защиты, при котором (в отличие от других механизмов) из сознания устраняется не травмирующий фактор, а само Я, которое замещается другим Я. Травмирующим фактором является неизменно негативный, практически всегда скрываемый носителем от самого себя прогноз относительно перспектив частного и общественного развития, в связи с очевидным отсутствием Вожатого, а также - четких критериев определения и подтверждения высокого предназначения человеческого существования (низкие цели – очевидны). Соответственно, религиозность это сам этот механизм в действии, т.е. колебательный, психической природы процесс, представляющий собой последовательную смену двух Я: Я-коллективного и Я-единичного, при этом существенным для религиозного сознания смыслообразующим элементом Я-коллективного, - поля, которое поименовано нами как «Мой мир», является содержащееся здесь высшее оправдание этого мира, которое для христианской культуры сосредоточено в Боге. Отблеск божественного огня, безусловно, сохраняет в себе и Я-единичное, это отражено, как уже сказано, и в символике: Сын - тоже Бог. Поэтому в процессе колебаний Я-коллективное сохраняет за собой доминирующее значение, а Я-единичное остается каналом апокалиптических взлетов, позволяющих поверять и корректировать стратегическую линию Я-коллективного. Подробно теория изложена в специально посвященной вопросу литературе, к которой я и отсылаю читателя [19].

Теперь обратим внимание на одно явление, на первый взгляд, несколько далекое от нашего предмета, слишком как будто бы локальное и пока еще, как кажется, не нашедшее должной оценки. Явление это всегда было предметом внимания литературоведов. Именно русская литературная критика впервые отметила и долго не выпускала из поля своего внимания тему так называемых лишних людей, которые появились в русском обществе в первой половине 19 века. То есть появились как раз тогда, когда в некотором отдалении от этих мест в главном городе Соединенного Королевства родился Дж.С.Милль, будущий, по мнению некоторых историков, провозвестник и теоретик либерализма.

Первоначально это просто повесы, их отличает отсутствие рвения в делах государственной службы, они циничны, отчаянно смеются, наделены негативной энергией и склонны разрушать всякое явление повседневного ряда, с которыми их сводит судьба. Смерть как крайняя форма разрушения осеняет их отчасти романтический образ, оттеняя способность к мужественному порыву. Смерть они несут порой тем, кто с ними соприкасается, но и сами сохраняют при этом фатальную обреченность перед трагической развязкой. Главное качество во внутреннем мире этих героев - это утрата смысла всякого начинания, которому традиционно общество придает высокую значимость, будь то создание семьи, служение отечеству, творчество или религиозное подвижничество. Их преобладающее состояние описывалось как сплин, хандра, ипохондрия, все это, говоря современным языком, есть признаки депрессивного синдрома. Явлению этому можно найти дальние или не очень дальние европейские литературные аналоги и образы от Байрона и байронизма в Англии до «проклятых поэтов» во Франции. Все эти образы вместе с их авторами позволяют говорить об общевропейском характере данного явления.

Не думаю, что ошибусь, если предположу, что именно утрата религиозности является отличительной чертой людей этого круга. Отметим, что ранее подобные явления никогда не носили массовый характер. Утрата потребности в высшем существе или просто разрушение этой потребности под воздействием общей либерализации когнитивной сферы, утрата значимости в составе Я-коллективного высшего оправдания этого мира ведет к прекращению цикла. Если раньше религиозно окрашенный конфликт между двумя формами Я являлся содержанием внутренней жизни каждого человека, то теперь по мере развития технического прогресса и социального устройства, возрастания роли коммуникаций, а с ними и количества вариантов разрешения повседневных задач, по мере привыкания к жизни без ежечасной опеки с небес колебания прекращаются. Человек не находит более пристанища и защиты в экзистировании Я-коллективного, то и дело прерываемом пронзительными, одновременно, очаровательными и невыносимыми озарениями индивидуального сознания. Он постепенно привыкает к этим вспышкам сознания, научается жить с ними и в них, привыкает к самому себе, переселяется к себе и в себя и из этого нового Я взирает на себя старого, на свое старое Я, отмеченное следами многочисленных, порой уже с трудом читаемых знаков коллективного повествования о жизни социума. Взирает, как бы не совсем узнавая себя в прошлом и как бы решая неожиданно возникший вопрос: а надо ли возвращаться? И, вообще, есть ли, куда возвращаться? В конечном счете, он останавливается на одном из двух теперь оголенных, лишенных знаков небесной благодати, секуляризованных Я, узанных теперь как

консерватор-патриот и либерал-космополит, останавливается на одном, более для него приемлемом в силу его нравственной природы, темперамента и особенностей интеллекта.

Можно предположить, что именно с этого времени люди начинают разделяться на либералов и не-либералов (консерваторов), что и вводит в заблуждение современных исследователей либерализма.

И последнее. Нападки на либерализм планомерно осуществляются сегодня не только традиционно со стороны лагеря консерваторов, в котором взяли верх откровенно паразитические элементы и структуры, не желающие терять власть, построенную исключительно на коррупционных схемах, и поддерживающие их массы, твердо проагаторовски убежденные в том, что они всегда будут жертвой хищений, и поэтому категорически не желающие изменять установившийся порядок этих систематических преступлений. Последние годы этот лагерь получил поддержку и подкрепление со стороны одной культурологической школы, истоки которой можно найти в трудах И.Я.Бахофена, значимое продолжение - в работах Ф.Ницше, Л.Фробениуса, Э.Юнгера и, наконец, достойное завершение - в творчестве русского философа А.Г.Дугина, относящемся уже к последнему десятилетию нашего времени. Это направление, не имея еще установившегося наименования, пока не получило в сегодняшнем его виде достойное место и оценку в учебниках по культурологии и истории философии.

Суть этого направления состоит в том, что особенности любой локальной культуры определяются некоторым всегда случайным соотношением между заранее известными универсальными парадигмами, каждая из которых берет свое начало в широко распространенном и хорошо описанном религиозном культе, взятом в качестве идеальной модели. Таких ключевых моделей А.Г.Дугин насчитывает всего три, добавляя в этом ряду к ранее описанным парадигмам (в его терминологии - Логосам) Аполлона и Диониса парадигму Великой Матери, Кибелы. Данное направление, декларирующее плюрализм культур, тем не менее, не удержалось от того, чтобы не применить определенную и достаточно жесткую шкалу оценок, по которой исследуемый культурный образец обнаруживает тем более высокую оценку, чем значительнее в нем влияние парадигмы Аполлона и чем меньше влияние парадигмы Кибелы. Нетрудно догадаться, что либерализм на этой шкале удостоился минимальной оценки, эта идеология, берущая начало в черной парадигме Великой Матери и бесконечно далекая от солнечных вершин Аполлона, представляет собой собрание всего самого низменного, материального при полном отсутствии духовной составляющей. Это упадок, торжество женского начала, эра титанов, путь деградации, мир индивидуализма, мир ночи,

количества и буржуазного накопления. Другой полюс - это эра богов, эпоха солнца и света, мир качества, доминирования мужского начала и вертикальной, разумной и четкой организации социума. Эта низкая оценка касается всех показателей, в том числе таких составляющих как нравственность, эстетическое измерение, реальная польза сегодня и в исторической перспективе. По всем этим показателям либерализм это тупик, конец цивилизации, смерть культуры и ее носителя. Следует сказать, что размышления А.Г.Дугина, оформленные в исключительно сильное словесное выражение, подкрепленные незаурядной эрудицией и всегда глубоким знанием предмета, заслуживают самого вдумчивого прочтения. Не имея возможности здесь перейти к этой обширной теме, я вынужден ограничиться только тезисом: все эти рассуждения возможно имеют смысл, но только для того мира, в котором высмотрены эти парадигмы. В одной не очень научной, но достаточно влиятельной доктрине этот мир не совсем научно назван язычеством. Эти заслуживающие пристального внимания и изучения рассуждения оставляют за рамками ту единственную попытку вырваться за пределы этого мира, которая все же имела в истории место и чья судьба пока, можно надеяться, все еще далека от своего завершения. Иными словами эти рассуждения не имеют смысла для мира христианства, подлинно европейского мира, они могли возникнуть только в том мире, и только там они полноценно звучат. Из этого мы сразу можем сделать вывод о том, что европейский секуляризованный мир, мир светской философии и культуры представляет собой сегодня в значительной части модель секуляризации язычества. Христианство, как и его секуляризованная форма - либерализм, строго говоря, здесь так и не состоялось, так и не случилось в полной мере в Европе и мире, оно до сих пор остается здесь уделом мужественных одиночек, идеальная модель совершенно особого рода.

Учитывая исключительную творческую плодотворность А.Г.Дугина, понятно, что этот тезис должен стать предметом обширной аргументации, только первым предварением которой может явиться настоящий очерк.

1. «Ведомости», 27.06.2019 г. «Путин объявил конец эпохи либерализма перед саммитом G20» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/27/805261-putin> (дата обращения – 06 мая 2021 года);

2. Баумейстер А.О. Либеральный миф о свободе [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=wLuQJuOMsyU&feature=emb_logo (дата обращения – 06 мая 2021 года);

3. Явлинский Г.А. «Что делать? Институционализация ценностей», Арсеневские вести, №17 (1467) 27.12.2020 г. [Электронный

ресурс]. - Режим доступа: <https://www.arsvest.ru/rubr/2/73251> (дата обращения – 06 мая 2021 года);

4. Толстой Л.Н. Воскресение. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://xn----7sbb5adknde1cb0dyd.xn--p1ai/%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9-%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5/94> (дата обращения – 06 мая 2021 года);

5. 2-е послание Апостола Павла к коринфянам (3:17) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://bible.by/syn/54/3/> (дата обращения – 06 мая 2021 года);

6. Послание св.Апостола Павла к Римлянам, 7, 15, 18 <https://bibleonline.ru/bible/rst66/rom-7/> (дата обращения – 04 августа 2021 года);

7. <https://fb.ru/article/267837/meyster-ekhart-biografiya-knigi-duhovnyie-propovedi-i-rassujdeniya> (дата обращения – 25 июля 2021 года);

8. Книга Судей Израилевых, 8, 22-23;

9. 1-я Книга Царств, 8, 5;

10. Книга Судей Израилевых Суд. 17, 6; 18, 1; 19, 1; 21, 25;

11. Послание к Римлянам святого апостола Павла, 2, 28-29 http://www.my-bible.info/biblio/biblija/posl_riml.html (дата обращения – 04 августа 2021 года);

12. Второзаконие, 30, 6 <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/vtorozak.html#g30/> (дата обращения – 04 августа 2021 года);

13. Книга пророка Иеремии, 4, 4, http://www.my-bible.info/biblio/biblija/pr_ieremija.html#g4/ (дата обращения – 04 августа 2021 года);

14. Псалтирь: 50, 12 <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/psaltir.html#g50/> (дата обращения – 04 августа 2021 года);

15. Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение// Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С.293-294;

16. Невелёв М.Ю. Бремя сознания. Я-представление в содержании религиозного опыта. Культурологическое исследование. М.: ЛКИ, 2008. – С.43-53;

17. Невелёв М.Ю. Указ. соч. С.138-157;

18. Лесков Н.С. Очарованный странник. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/15/p.20/index.html> (дата обращения – 06 мая 2021 года);

19. Невелёв М.Ю. Указ. соч. С.98-157; см. также: Невелёв М.Ю., Соловьев Е.М. Человек в поисках идентичности: религиозность как выражение процесса самоидентификации//Человек в современном мире: Кризис и глобализация. Международная коллективная монография. Ницца, Сицилия, Москва. 2020 г. С.213.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Gyulbenkyan J.Kh.

*candidate of chemical sciences, docent,
Yerevan State University*

Adonts H.V.

*bachelor of chemistry
Yerevan State University*

Tsirunyan V.D.

*bachelor of mathematics
Yerevan State University*

MATHEMATICAL EQUATIONS AS A HELPFUL GUIDE IN SOLVING PROCESS OF CHEMICAL PROBLEMS

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2022.2.86.318](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2022.2.86.318)

Summary. In this paper we provide an exceptional example of interdisciplinary connections between chemistry and mathematics. In most of the chemistry problems mathematics is used merely as a tool, whereas in this paper we implement the opposite approach. Problems are defined mathematically, and chemistry is being used as an auxiliary tool to solve the problem.

Keywords: interdisciplinary connections, mathematics, equations, chemical problems, problem solving.

Increasing the effectiveness of the educational process has been a top priority for the last decade. One of the main issues of the educational process is that students tend to get bored by conventional methods and would prefer more modern and engaging ways of gaining the required information. Consequently, practical lessons that use interdisciplinary connections are more engaging and effective. It applies to science subjects as well. The unique aspect of science subjects is the difficulty in finding connections between different disciplines. Mathematics is the tool that helps in that task. It is hard to imagine any scientific discipline's teaching process without involving some level of mathematics [1, 2]. It is the bridge connecting different subjects, as it is everywhere. It lets students apply methods they have learned and combine them to create various solutions to the same problem. Math encourages us to try different approaches to try and find all possible solutions. It also contributes to students' creativity and analytical thinking. In our recent papers, we showed the potential use of mathematics in new methods to solve computational chemical problems [3, 4]. Several chemical problems were solved using mathematical concepts, such as properties of similar triangles, the law of the lever, and analytical thinking. The most common approach to solving computational chemical problems is to use theoretical knowledge of chemistry to come up with several equations and then rely on math to solve them. However, in this paper, our goal is to show unique problems that might be hard to solve with the discussed approach. In the following chapter we will discuss problems that need to be solved using the opposite approach. For these types of problems, mathematical equations are already given the statement. We would need to solve them or narrow down the list of possible solutions, and only then turn to theoretical knowledge of chemistry to solve the problem.

Consider the following problem

Problem 1

In the laboratory an ingot of 2 metals was found weighting 17.7 grams. It is also known that the ingot contains 0.2 moles of the first metal and 0.3 moles of the second one. When adding water to the ingot no reaction took place. Find the metals in the ingot.

Solution 1

Let the molar mass of the first metal be y and molar mass of the second metal be x . We would have the following equation.

$$0.3x + 0.2y = 17.7$$

By multiplying both sides of the equation by 10 we would get the following Diophantine equation.

$$3x + 2y = 177 \quad (1)$$

By modifying equation (1) in the following manner $x + 2(x + y) = 177$ and assign new variable $k = x + y$ we would get the following equations

$$x = 177 - 2k \quad (2)$$

$$y = 3k - 177 \quad (3)$$

Because the values of molar masses of metals are natural numbers, the values of x , y and k should all be natural numbers. Therefore, we can claim that $x > 0$ and $y > 0$. Also, considering the fact, that we can exclude alkaline and alkaline-earth metals (except *Be* and *Mg*) as they will react with water, and the metal with the smallest molar mass that is neither alkaline nor alkaline-earth is Beryllium with molar mass of 9, we can claim that $x \geq 9$ and $y \geq 9$. Adding these new constraints to equation (2) and (3) we would get the following

$$x = 177 - 2k \geq 9 \Rightarrow k \leq 84$$

$$y = 3k - 177 \geq 9 \Rightarrow k \geq 62$$

$$62 \leq k \leq 84 \quad (4)$$

$$9 \leq x \leq 53 \quad (5)$$

$$9 \leq y < 75 \quad (6)$$

From equation (2) it is obvious that x should be an odd integer. There are only 4 metals with molar mass that satisfy inequality (5) that are also odd: $Be(9)$, $Al(27)$, $Sc(45)$ and $V(51)$. By checking each possible metal, the only possible answer emerges which is $x = 27$, $y = 48$, therefore our unknown metals were Al and Ti .

Solution 2

Instead of using inequality (5) to narrow down, we could use inequality (6) instead. From equation (3) it is obvious that y should be divisible by 3. There are only 5 metals with molar mass that satisfy inequality (5) that are also odd: $V(51)$, $Ti(48)$, $Sc(45)$, $Al(27)$, $Mg(24)$, $Be(9)$. By checking each possible metal, the only possible answer emerges which is $x = 27$, $y = 48$, therefore our unknown metals were Al and Ti .

Solution 3

Let the molar mass of the first metal be M_1 and molar mass of the second metal be M_2 . We would have the following equation.

$$0.2M_1 + 0.3M_2 = 17.7$$

By multiplying both sides of the equation by $\frac{10}{3}$ we would get the following equation.

$$\frac{2}{3}M_1 + M_2 = 59$$

As the values of M_1 and M_2 should be integers, value of M_1 should be divisible by 3, and the value of M_2 should be odd. The average molar mass of the ingot if $\bar{M} = \frac{17.7}{0.2+0.3} = 35.4$. There are two possible cases

Case 1 $M_1 < M_2 \Rightarrow M_1 < 35.4$

There are three possible candidates for M_1 that are divisible by 3 and smaller than 35.4: $Be(9)$, $Mg(24)$ and $Al(27)$. By checking all 3 possibilities no answer will be found.

Case 2 $M_1 > M_2 \Rightarrow M_2 < 35.4$

There are two possible candidates for M_1 that are divisible by 3 and smaller than 35.4, and do not react with water: $Be(9)$ and $Al(27)$. By checking each possible metal, the only possible answer emerges which is $x = 27$, $y = 48$, therefore our unknown metals were Al and Ti .

Problem 2

In presence of a catalyst unknown carbohydrate and unknown molecule reacted. It is known that the number of atoms that reacted can be expressed as $0.3a + b = 6.6$ where a is the sum of atoms of carbohydrate, and b is the sum of atoms in the unknown molecule. Find out the formula of reagents and possible byproducts of the reaction.

Solution 1

As both a and b should be integers, both of them must be positive.

$$a > 0 \Rightarrow b = 6.6 - 0.3a < 6.6 \quad (7)$$

By multiplying both sides of the equation given in the statement by 10 we would get the following equation.

$$3a + 10b = 66 \quad (8)$$

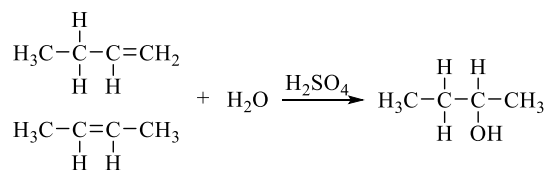
From equation (8) it is obvious that b should be divisible by 3. There are only two possible values of b that are divisible by 3 and satisfy condition (7): $b = 3$ and $b = 6$. Note that the possible values of b can also be found by checking $b = 1 \dots 6$ and a being an integer.

Case 1 $b = 6 \Rightarrow a = 2$

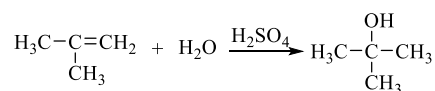
There is no carbohydrate with 2 atoms in its molecule.

Case 2 $b = 3 \Rightarrow a = 12$

There are two known carbohydrates that have 12 atoms in its molecule: butene and benzol. As there are no known molecules containing 3 atoms that would react with benzol, we can claim that the unknown carbohydrate was butene. The molecule that reacts with butene in presence of a catalyst is water. In the cases of butene-1 and butene-2 byproduct of the reaction would be

and in case of butene isomer methylpropene the byproduct of the reaction would be

As we observed mathematical analysis of equations will help us narrow down the set of possible answers, which will allow us to easily find the correct answers of the problem. We think that solving such problems using different approaches will broaden one's mind and enhance their creative thinking.

References

- Solving chemical problems as a specific method of teaching chemistry, 2019, <https://znanio.ru/pub/437>
 Akhmetov M.A., Methodology for solving problems in chemistry, Ulianovsk, 2001, 20 p.
 Zh. Kh. Gyulbenkian, H. V. Adonts, V. D. Tsurunyan, Interdisciplinary connections in solving chemical problems, Chemistry at School, 2022, 1, Centerhimpres, p. 39-44.
 V. Tsurunyan, H. Adonts, Zh. Gyulbenkian, Possible Use of Mathematics and Reasoning in Problem-Solving Process of Several Chemical Problems, ASPU Scientific News, 2022, 1 (43), p. 135-145

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.37

*Gordeev I**1st year Master's degree
RSAU – MTAA named
after K.A. Timiryazev*

AS PRESIDENT OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA XI JINPING HAS BEEN THE MOST INFLUENTIAL PERSON IN THE WORLD FOR 10 YEARS IN A ROW

*Гордеев И.В.**Магистр 1 курса
РГАУ-МСХА
им. К.А. Тимирязева*

КАК ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КНР СИ ЦЗИНЬПИН 10 ЛЕТ ПОДРЯД ОСТАЁТСЯ САМЫМ ВЛИЯТЕЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ В МИРЕ

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2022.2.86.321](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2022.2.86.321)

Summary. The article examines the phenomenon of the influence of Chinese leader Xi Jinping on the whole world. The author claims that the ratings of world influence compiled by various publications, where Xi Jinping does not take the first place, are inaccurate and incorrect. The paper proves the thesis that the current President of the People's Republic of China is the most influential person in the world since 2012. The article considers the coming of the Secretary General to power, his management style and methods of influencing both Chinese society and entire countries in the international space.

Аннотация. В статье исследован феномен влияния руководителя Китая Си Цзиньпина на весь мир. Автор утверждает, что составляющиеся различными изданиями рейтинги мирового влияния, где первое место занимает не Си Цзиньпин, являются неточными и некорректными. В работе доказывается тезис о том, что действующий Председатель КНР – самый влиятельный человек в мире с 2012 года. Рассмотрен приход Генсека к власти, стиль его управления и методы воздействия как на общество Китая, так и на целые страны в международном пространстве.

Keywords: leader, global influence, Xi Jinping, China

Ключевые слова: лидер, мировое влияние, Си Цзиньпин, Китай

Введение. В различных изданиях, оценивающих влияние мировых лидеров, годами идут споры о том, кто должен возглавлять этот список. По различным оценкам, Генеральный секретарь ЦК КПК занимал первое место в мире по влиянию несколько раз в периодизации с 2012 года по настоящее время. Однако, фактом, который и планируется доказать, является то, что Си Цзиньпин вот уже десять лет продолжает оставаться не только самым влиятельным руководителем страны, но и самым влиятельным человеком в мире [1]. Рейтинг политической значимости зависит от множества факторов, влияние которых планируется оценить в данной статье.

Си Цзиньпин и его влияние на весь мир не случайно выбраны объектом исследования для данной работы. Историки и политологи уже давно дискутируют о том, кто является более влиятельным лидером Китая, однако очевидно, что любая градация начинается с Мао Цзэдуна. Также стоит отметить, что мировое величие лидера какой-либо страны зависит от значимости страны, которую он возглавляет [2].

Например, великий руководитель КНР Дэн Сяопин, который и сделал современный Китай наиболее влиятельной страной Азии и одной из самых - во всем мире, достоин почета и уважения,

но ему не удалось достичь того уровня признания, коим оперирует Си Цзиньпин [3].

У Финляндии были сильные и результативные руководители, но об их влиянии на весь мир не может идти и речи, в то время как успешный лидер Китая - самой населенной страны с самой эффективной экономикой в мире, автоматически попадает на первые строки мировых рейтингов.

Материалы и методы исследования: материалами для исследования послужили данные интернет по рейтингам влияния TIME, Forbes, Bloomberg.

Методический инструментарий базируется на междисциплинарности и различных подходах к предмету исследования.

Толковый словарь С.И. Ожегова объясняет, что влияние — это действие или воздействие, оказываемое кем-либо (чем-либо) на кого-либо (что-либо). Во втором значении это слово означает авторитет, власть [4].

Влияние может быть разным, встречается где угодно и рассматриваться как непосредственное воздействие, например, влияние, как сопротивление материалов, влияние погодных условий и влияние веществ на организм человека.

Влияние же власти оказывает влияние на социум, как на общество в целом, так и каждого человека в отдельности, простыми словами, это то,

что может изменить вашу жизнь, как в лучшую, так в худшую сторону.

Оно подразделяется на две основных сущности: эксплицитное или прямое, открытое влияние, то есть, субъект не скрывает своего желания и действий по отношению к объекту влияния; имплицитное, то есть, скрытое влияние: субъект влияет на объект, но объект может об этом и не догадываться.

Влияние конкретного лидера стоит оценивать по следующим критериям: влияние на объект руководства, то есть, на страну, которую лидер возглавляет; внешнее влияние главы государства на процессы, другие страны, конкретных людей, осуществляемое им, как правило, в интересах возглавляемой им державы.

Методами исследования послужили сравнительно-исторический метод и нарративный анализ (сбор фактов, воспоминаний, повествований, относящихся к предмету исследования).

Результаты исследования и их обсуждение.

Свою мировую значимость, руководитель любой страны должен доказать своим авторитетом не только вне, но и внутри своего государства, что, пожалуй, даже более важно, ведь это – плацдарм, так называемая база его величия. В случае с действующим Председателем КНР данная схема работает как нельзя лучше. Си Цзиньпин после прихода к власти в Китае в 2012 году только и занимается своим портретом «отца китайского народа», репутацией серьезного, сильного и честного лидера, действующего исключительно в интересах людей и своей страны. Для успешного создания и продвижения культа собственной личности Председатель использует разные методы, причем делает это методично и довольно успешно.

Как пишет в своей книге «Быть диктатором: практическое руководство» норвежский политический обозреватель, доктор филологии и философии Университета Осло Микал Хем, одной из удивительных и в то же время важных, ключевых особенностей диктатуры является умение руководящего лица «пропитать собой все общество» [5]. Си Цзиньпин прекрасно с этим справляется, используя очень выгодно пригрозившее ему трудное прошлое.

Дело в том, что китайцы в общей массе – закрытый, простой и трудолюбивый народ. Вопрос: как добиться его расположения? Ответ: показать, что ты – один из них. Не большой начальник, который палец о палец не ударил и получал в жизни все на блюдечке из фарфора династии Мин, а, напротив, простой китаец, плоть от плоти работника, знающий о тяготах и лишениях глубинного народа не понаслышке.

Си Цзиньпин всю пользуется своими преимуществами из прошлого. Несмотря на то, что будущий Председатель принадлежал к так называемому в Китае благородному роду «красных принцев», то есть, к когорте потомков высшего руководства страны, а его отец в тридцатые годы

сражался бок о бок с Мао, за что впоследствии был вознагражден авторитетом и занимал высокие посты в пятидесятых, молодой Си, чье детство трудно назвать нищим, все таки постигла участь самого низкого и плохого отношения, которое только было в Китае на то время. Его отца репрессировали в ходе Культурной революции в 66м, а сам Цзиньпин был отправлен в лагерь трудового перевоспитания в чрезвычайно бедную провинцию Шэньси. Там ныне самый влиятельный человек Китая и мира прожил 7 лет, хотя, назвать это жизнью было бы преувеличением. Цзиньпин работал большую часть суток на тяжелых, изнуряющих работах, еды получал ровно столько, чтобы не умереть, спал фактически на камнях, но из-за насекомых сон превращался скорее в пытку. Помимо физических страданий, Си приходилось испытывать постоянное одиночество – китайские лагеря перевоспитания и сейчас ужасны, а тогда были еще хуже. Это не федеральная тюрьма в США, где заключенным общего режима разрешено гонять мяч и общаться на различные темы в качалке под открытым воздухом. Цзиньпин пребывал 7 лет в нечто, что можно сравнить с ГУЛАГом, но несколько мягче, основным образом потому, что никаких преступлений узник не совершал, а лишь был сыном репрессированной партийной элиты.

В любом случае, этот исторический экскурс важен для тех, кто хочет разобраться в исследуемой теме, ведь именно с помощью описанных историй Си Цзиньпин завоевал сердца простых китайцев, дав им понять, что он и сам такой же простой парень, добившийся высот собственным трудом. К слову, не лишним будет отметить, что Цзиньпин по национальности ханец – то есть, этнический китаец. Данная прослойка населения является самой распространенной в Китае и пользуется чуть большими предпочтениями, чем другие народности. Привилегией в данном случае является отсутствие притеснений по национальному признаку, что в Китае, к сожалению, остается актуальной проблемой и по сей день.

Собственно, какие методы использует Си Цзиньпин для создания и укрепления собственного культа личности помимо использования хорошей базы историй из молодости?

Во-первых, это фокус на внутренней политике. Вряд ли можно строить образ отца народа и не заниматься так называемыми детьми в этом контексте. На примере Владимира Путина хорошо видно, как это не работает, если ты только говоришь, но не делаешь. В то время как Цзиньпин строил образ и подкреплял его делами, сконцентрировавшись на своей стране, пропаганда в России пыталась слепить из Путина нечто похожее, пока он вместо внутренних дел играл в большую политику, безуспешно пытаясь склонить Европу, выйти победителем из надуманного и несуществующего в действительности конфликта с США, доставать амфоры со дна залива и так далее. Тигр в этом случае оказался бумажным, тогда как

Цзиньпин продолжает методично укреплять свои позиции.

Во-вторых, это преуменьшение значения предыдущих лидеров и их роли в истории Китая. Это нужно, чтобы смотреться выигрышно, не соперничая с такими серьезными противниками, как Мао и Дэн Сяопин. Если роль Мао просто не раскручивается, как раньше, то роль Дэна Сяопина намеренно занижается. Дело в том, что в случае с Мао занижать или каким-то другим образом саботировать его роль в истории Китая невозможно, ибо каждый китаец уже много лет приучен чествовать вождя. В случае же с Сяопином модель управления слишком похожа на ту, которую избрал для себя Си Цзиньпин: реформы, «отец нации», рост уровня жизни, но без вычурного вождизма, как при Мао. Такой конкурирующей модели, особенно учитывая реальную роль Сяопина в развитии КНР, Си Цзиньпин побаивается и уже несколько лет холодно замалчивает, не придавая ей такого большого веса, которым она, безусловно, обладает вне зависимости от мнения действующего Председателя. Это легко проверить, обратив внимание на недавно принятую Пленумом КПК резолюцию, в которой недвусмысленно говорится, что роль Сяопина как великого реформатора не столь велика, как значение «новейшей эпохи», так удачно берущей свое начало в 2012 году, когда Си Цзиньпин пришел к власти.

В-третьих, это, конечно, метод заигрывания с массами, но не только и не столько посредством популизма, как некоторые другие лидеры, черпающие свою легитимацию из мнимых и эфемерных вещей, как скорее посредством реальных дел, чрезвычайно одобряемых массами. Это продвижение идей, неоспоримых адекватным человеком. К примеру, широкомасштабная, не показательная, а реальная борьба с коррупцией. Си Цзиньпин развернул ее беспрецедентно качественно, наказывая абсолютно любое звено в цепочке власти, которое решается заниматься мздоимством. Например, только за 2018 год в Китае в рамках кампании было привлечено к ответственности более 600 тысяч человек, из которых как минимум 20% понесли тяжкое наказание в соответствии с действующим законодательством. Существует много теорий, гласящих, что Си Цзиньпин с семьей сам пользуется «общественной кассой», однако, никаких прямых подтверждений тому не существует, да это и не так важно, поскольку главное, что народ убежден в обратном. У Председателя, безусловно, хорошо получился образ бессеребренника, что и гарантирует ему симпатии простого народа.

В-четвертых, это тотальный запрет на критику. Не секрет, что при любой власти существует оппозиция, осуждающая ее действия и призывающая к смене режима. В этой ситуации Си Цзиньпин как нельзя лучше понимает, что ему нужно делать. К примеру, из-за существующих

фильтров цензуры ни одно СМИ или человек, решивший поглумиться над лидером, не будет замечен никем, кроме органов госбезопасности Китая. Однако несколько лет назад блогеры нашли способ шутить над Генсеком посредством эзопова языка, сравнивая Цзиньпина с героем мультфильмов Винни Пухом, по всей видимости, из-за некоего внешнего сходства, которое не заметить, не обладая чувством юмора и минимальным воображением. Результатом стал полный запрет данной серии мультфильмов на территории континентального Китая. Из этого кейса можно сделать вывод, что Си Цзиньпин никакой иронии и шуток на свой счет не приемлет.

В-пятых — непререкаемый контроль общества. Помимо всего прочего, что делается Председателям в рамках широких полномочий, важным элементом является недопущение влияния так называемой западной культуры на китайское общество. В недавнем прошлом это влияние все-таки начало заметно действовать на китайцев, что получило незамедлительный ответ Партии: курс на китаизацию и изоляцию. Больше продвигаются идеи, которые, по мнению руководства, нужны китайскому обществу. Они описаны предыдущим руководителем Китая Ху Цзиньтао и называются «Восемь добродетелей и восемь пороков». Не сказать, чтобы некая западная культура в чем-то противоречила данным заветам, однако же она является свободной и сконцентрированной на самовыражении и самореализации, то есть, на том, что менее всего Си Цзиньпин хочет видеть в китайском обществе.

Для достижения своих целей Председатель КНР использует классические авторитарные и тоталитарные элементы контроля общества. Это, безусловно, полный контроль СМИ и информации в целом: недавно, в 2021 году, китайское правительство приняло «закон КНР о безопасности данных», что дает властям много возможностей для сокрытия информации о происходящем в стране от внешнего мира, так и происходящее в мире от китайского обывателя. Как это часто бывает в жестко-авторитарных режимах, те, кому надо, будут в курсе всего, а простой человек уедет в трудовой лагерь перевоспитания лет на 10 за установку обычного мессенджера WhatsApp. Это также запрет на критику, участие большинства населения в общем деле и контроль за «плохим поведением» граждан посредством уже введенной в некоторых провинциях технологии социального рейтинга.

Говоря о контроле Си Цзиньпина над обществом, нельзя не упомянуть его особые отношения с уйгурами – народностью Китая, исповедующую ислам суннитского толка. Официально Конституция КНР дает право подданным Поднебесной на свободное вероисповедание. Однако на деле высшее руководство Китая посредством многочисленных служб внутренней безопасности ограничивают распространение религий, в основном ислама.

Уйгуры живут в специальном Синьцзян-уйгурском автономном районе, где содержится большое количество «трудовых лагерей перевоспитания». Это по сути колонии-поселения, где провинившийся работает на благо Китая, а в свободное время учит методички по хорошему поведению. Из этого округа уйгурам бывает сложно выезжать даже на территорию остального Китая, не говоря уже о трансграничных передвижениях. Поездки, к примеру, в соседние Пакистан и Таджикистан к родственникам часто запрещаются под предлогом распространения агрессивных исламистских идей, стоящих у истоков терроризма. Любой уйгур рискует быть заподозренным в тиражировании подобных идей просто за чтение исламской литературы, которая сама по себе не несет ничего подобного.

Си Цзиньпин не раз заявлял, что никаких притеснений по национальным и конфессиональным признакам в Китае не существует. Однако факты говорят о другом: уйгуры на порядок чаще привлекаются к обязательным работам и «перевоспитанию», чем ханьцы или последователи буддизма (в процентном соотношении). Также слова Председателя не подтверждает и тот факт, что в Синьцзян-уйгурском автономном районе полиции и различных спецподразделений внутренней безопасности в процентном соотношении в несколько раз больше, чем в других районах Китая.

Как уже было упомянуто, вряд ли можно быть самым (или одним из самых) влиятельным человеком в мире, возглавляя страну, которая физически не дает таких возможностей. В целом можно сказать, что страны, обладающие таким потенциалом, зачастую являются так называемыми сверхдержавами: США, Китай, Россия, Германия, фактически управляющая Евросоюзом.

Китай как нельзя лучше подходит в качестве стартовой площадки для мирового величия его лидера. Для исследования влияния Си Цзиньпина нужно изучить следующий вопрос: как он выгодно использовал и продолжает использовать гиперпотенциал китайского общества, китайского народа, чтобы влиять на весь мир в интересах своей страны?

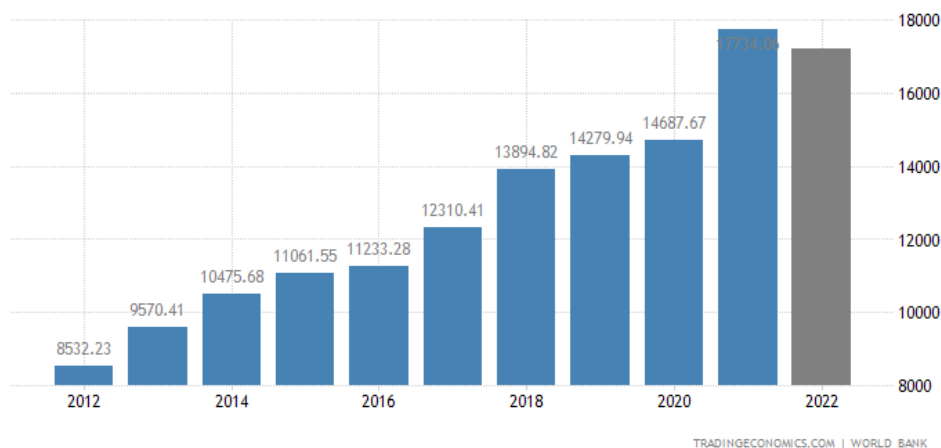
Когда Си Цзиньпин пришел к власти в 2012 году, сменив на посту Председателя КНР Ху Цзиньтао, немного времени потребовалось как внутри страны, так и за ее пределами, на осознание того, кто именно пришел на главный китайский пост и чем он отличается от предшественников.

На посту Цзиньпин сразу же занялся созданием образа и обновлением государственной повестки, выветривая из кабинетов власти неповоротливую, если не сказать ленивую манеру руководства страной, заменяя ее жестким, очень конкретным и энергичным почерком сильного лидера. К примеру, уже через две недели после прихода к власти Цзиньпин выдвинул принципиально новую концепцию с броским названием «Китайская мечта». Ее суть заключается

в «возрождении великой китайской нации» путем построения «социализма с китайской спецификой». В некотором роде идея созвучна с идеями Ленина о распространении социализма на весь мир. Однако если Ленин предлагал социализм в классическом варианте и призывал страны избирать его вместо других политических и экономических течений, идея Си Цзиньпина в построении Китая своей особенной модели, в последующем планируемой к распространению посредством влияния как в Азии, так и во всем мире. Помимо прочего, Генсек использует свою концепцию не только как фактор и путь к развитию страны, но и не забывает про создание и укрепление собственного образа. Так, в 2017 году данные тезисы были официально записаны в устав КПК в качестве национальных идей, которым обязано следовать общество. Таким образом запечатлеть свой образ в идеологических стратах и партийных методичках Си Цзиньпин смог прижизненно впервые со времен Мао. Еще через год идеи вождя были включены в китайскую Конституцию, что также доказывает вышеописанные цели Цзиньпина.

Также действующий Председатель КНР после прихода к власти заявил, что собирается увеличивать влияние Китая посредством инициативы «Один пояс и один путь», которая также называется Организацией международного сотрудничества «Шелковый путь». Суть данной китайской инициативы заключается в поиске, формировании и продвижении новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействий с участием Китая. На основе продолжения и развития духа древнего Шёлкового пути «Один пояс и один путь» призывает к выработке новых механизмов регионального экономического партнёрства, стимулированию экономического процветания вовлечённых стран, укреплению культурных обменов и связей во всех областях между разными цивилизациями, а также содействию миру и устойчивому развитию [6]. Не секрет, что инициатива принесет больше влияния и денег именно Китаю, а не, как описывается, неким Евразийским партнерам. Как говорят синологи, «Китай всегда помогает только Китаю». Вышеописанное наглядно показывает, как Си Цзиньпин сосредоточен на увеличении и без того огромного китайского влияния, что логично приводит к увеличению и его личного влияния.

Помимо того, по экономическим показателям периода правления Си Цзиньпина можно заметить, как он использует потенциал своей страны к росту и развитию. Например, с момента занятия Цзиньпином поста Председателя КНР ВВП этой страны возрос в два раза. Это невероятно даже в рамках привычного для всех роста китайской экономики на 5-8% в год.

Динамика ВВП Китайской Народной Республики [7]

Также из нижеследующего графика динамики рыночной капитализации компаний Китайской Народной Республики видно, как при Си Цзиньпине этот показатель растет, хоть и является достаточно волатильным. Это объясняется успешным внедрением идей самого Председателя в китайскую экономику. Данная простая идея была озвучена вскоре после прихода Си к власти в 2013

году Премьером Госсовета КНР Ли Кэцзяном: «Для достижения экономических целей недостаточно политики стимулирования или прямых государственных инвестиций — необходимо положиться на рыночные механизмы... Мы должны возродить частные инвестиции и расходы с помощью дерегулирования и других реформ»

Динамика капитализации китайских компаний [8]

Как именно экономика связана с геополитическим влиянием?

Ответ достаточно прост: торговля. Так как торговля является основным рыночным механизмом, Си Цзиньпин очень хорошо понимает, как использовать это в пользу Китая и против тех, с кем он борется за влияние в мире. Так, торговый оборот США и Китая за 2020 год составил почти \$587 млрд [9]. Эта сумма составляет треть ВВП России, так что читатель самостоятельно может оценить данную величину. Помимо прочего, экспорт Китая в Штаты составляет почти полтриллиона долларов. Какие выводы можно из этого сделать? При таком обороте Китай

зарабатывает огромные средства, каждый цент из которых Цзиньпин использует на благо Китая, особенно учитывая уровень коррупции. Более того, каждый человек, знакомый с основами макроэкономики, знает, что такой торговый оборот между двумя странами является основополагающим фактором их отношений. Ни США не смогут прожить без производства КНР их товаров (от Apple и Tesla до мыльных пузырей и обуви), так и Китаю будет трудно без производства товаров для самой потребляющей страны в мире, к слову, также и без получения взамен технологий, которые быстро осваиваются китайским рынком и импортозамещаются местными компаниями.

Исходя из этого, стоит предположить, что США и Китай не войдут в серьезный конфликт, пока не случится острейший экономический или политический кризис.

Какие страны, в таком случае, могут конкурировать с Китаем?

Россия была главной евразийской страной и самой влиятельной в СНГ, попутно соперничая с Китаем за влияние в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Однако, после нарушающего все международные нормы вторжения Путина в Украину, и без того нелегитимный руководитель России окончательно себя дискредитировал. К слову, Си Цзиньпин нашел способ использовать потерю РФ международных связей. Даже в ужасной ситуации агрессивной войны Председатель КНР находит выгоду для Китая.

После начала войны Пекин никоим образом не осудил вторжение и не дистанцировался от Владимира Путина. Такая риторика позволила последнему попытаться использовать ситуацию в публичном пространстве, выставив все таким образом, что якобы КНР помогает России в ситуации беспрецедентных санкций получать различные товары, услуги и другое, подходящее под определение параллельного импорта. Однако на деле китайские компании дистанцируются от российского рынка, сворачивая свою деятельность и отказываясь вести бизнес с российскими около государственными структурами, опасаясь вторичных санкций США.

Позиция Китая, как всегда, является выжидательной. Об этом говорят противоречащие друг другу действия. То МИД КНР заявляет, что это США виноваты в полномасштабной войне, якобы посредством провокаций к расширению НАТО в Европе, то поверенный Китая в ООН воздерживается от голосования по резолюции, осуждающей нападение РФ на Украину, хотя, казалось бы, мог проголосовать против, как Северная Корея или Никарагуа.

В действительности же Си Цзиньпин понимает, в какое положение поставил себя Владимир Путин, и пользуется этим более всех остальных. Китай скупает у России углеводородные энергоносители, лес, металлы и даже зерно с неведомыми ранее дисконтами, используя сложившуюся вокруг России экономическую ситуацию в своих интересах.

Поговорим про стиль управления Си Цзиньпина, который позволяет ему быть самым влиятельным человеком в мире. Дело в том, что он мыслит стратегически, а не тактически, как многие другие руководители стран. Очень выгодно в данном контексте выглядят отсутствующие у Цзиньпина временные ограничения по нахождению у власти. Однако, в отличие от Владимира Путина, у которого рамки также отсутствуют, Генсек КПК использует свое время неопределимо более эффективно. Если Путин предпринимает мелкие тактические шаги, чтобы оставаться у власти сегодня, Си Цзиньпин

занимается страной и не предпринимает никаких необдуманных действий, чтобы никоим образом не подставлять под удар свою легитимность. Китайцы не против, что он остается у власти, пока растет уровень жизни и влияние Китая во всем мире. Яркий пример в подтверждение этим словам – отношение к территориальным приобретениям. Владимир Путин, которому понадобилось принимать меры, чтобы оставаться у власти, решил завоевать симпатии населения, аннексировал Крым и развязал войну на Донбассе, что логично вызвало реакцию мирового сообщества, пусть и не такую жесткую, как должно было. С тех пор процесс изоляции России был запущен.

А что же Си Цзиньпин? Ни для кого не секрет, как сильно континентальный Китай желает установить суверенитет над островом Тайвань и какие претензии КНР имеет в Южно-Китайском море. Однако, посмотрим на действия. Сделал ли что-то существенное Си Цзиньпин по отношению к Тайваню после прихода к власти в 2012 году? Нет, не сделал. Сделал ли что-то существенное Си Цзиньпин по отношению к Тайваню после значительного увеличения американской поддержки Тайваню в самых разных вопросах, включая оборону, начиная с 2018 года? Нет, не сделал. Сделал ли что-то существенное Си Цзиньпин в ответ на визит Спикера Палаты Представителей США Нэнси Пелоси на Тайвань? Нет, не сделал. Все его действия свелись к объявлению военных учений Китая вокруг острова Тайвань – и то, по мнению политологов, даже это Цзиньпин вынужден был сделать, чтобы совсем не ударить в грязь лицом перед китайским обществом. К слову, СМИ континентального Китая заблокировали все новости об описанном визите по негласному требованию Чжуннаньхуа, а в западных СМИ эпизод окрестили коротко и ясно: «Позор Си».

Какие выводы можно сделать, сравнив поведение двух авторитарных руководителей стран? Если Путин оккупировал территорию и развязал агрессивную войну, настроив против себя весь цивилизованный мир, то Си Цзиньпин даже в невыгодной для себя ситуации не совершил ничего, что могло бы повредить драгоценные отношения с торговыми партнерами, в основном, конечно, с США, и поставить под удар Китай в долгосрочной перспективе. Это наглядно показывает, почему, когда власть Путина необратимо закончится в ближайшем будущем, Си Цзиньпин опять примет очередную стратегию развития на десять лет вперед и использует развал российского преступного режима и дестабилизацию обстановки в регионе в пользу Китая.

Немаловажным также будет отметить отношение Си Цзиньпина как к своему ближайшему окружению, так и к структурам китайской власти в принципе. Обозреватель *The New Statetsman* Кэти Сталлард пишет: «Си Цзиньпин стал председателем всего» (*How Xi Jinping became Chairman of Everything. China s*

leader came to power determined to ensure prosperity, but he may yet turn out to be his country's greatest threat) [10].

Это очень точно описывает поведение Цзиньпина на посту Председателя КНР, и чем дольше он его занимает, тем более это заметно. Си Цзиньпин открыто усиливает собственный контроль и контроль надзорных партийных органов за ее функционерами. Недавно КПК приняла директиву, согласно которой китайским чиновникам запрещено прямо или опосредованно владеть какими бы то ни было активами за пределами Китая. Чиновники, нарушающие данную директиву, будут отодвигаться в ходе попыток продвижения по служебной лестнице вне зависимости от происхождения и/или личных качеств, а особо провинившиеся, как пишет *The Wall Street Journal*, будут привлечены к ответственности «за нелояльность и нечестность по отношению к Партии».

Данный шаг предпринят руководством партии не просто в качестве жесткого и прямолинейного инструмента контроля и лояльности государственных служащих. Это, как и большинство других шагов в Китае – результат сделанных выводов и извлечения уроков из ошибок других стран. Си Цзиньпин пролоббировал директиву уже через несколько недель после того, как увидел, какие санкции и каким образом накладываются буквально большинством влиятельных стран мира на неугодных российских чиновников и их семьи. Как только Председатель заметил некую брешь, которая, с его точки зрения, дает западным странам потенциальную возможность оказывать влияние на государственное руководство Китая, он тут же устранил ее, не дожидаясь своей очереди на эмпирическую проверку данной возможности.

Говоря непосредственно о влиянии китайского лидера как политика на мировое сообщество, есть смысл оценить это, через призму двойственности восприятия: рассматривая весь мир целиком или же так называемый «свободный мир». Президента США часто называют самым влиятельным человеком свободного мира, то есть среди стран, где соблюдаются права человека и система хотя бы близка к народовластию. Получается, что в такой интерпретации в систему стран свободного мира не попадают ни Россия, ни Китай, ни большинство стран Персидского залива, Средней Азии и Востока в целом.

Целесообразным и логичным представляется ограничить область обсуждения руководителей стран, которые теоретически могут бороться за право называться самыми влиятельными людьми в мире. В этой связи также будут учтены рейтинги влияния *TIME*, *Forbes*, *Bloomberg*, где в топ список входят лидеры Китая, США, РФ и Германии.

Для наилучшего понимания ситуации с Китаем во всем мире обратимся к цитате китайского политического активиста и художника Ай Вейвэя: «Запад должен был побеспокоиться о

Китае несколько десятилетий назад. Теперь делать что-либо уже поздно, поскольку западно-китайские связи настолько велики, что обрубить их уже невозможно. Именно поэтому Китай так высокомерно себя ведет и будет продолжать это делать».

В контексте проблемы проанализируем действия Президента США. Джозеф Байден занял этот пост после весьма спорных выборов в 2020 году. Если при 45-ом Президенте Дональде Трампе еще можно было что-то обсуждать, то когнитивные способности и здоровье 46-го Президента США вызывает серьезные вопросы. Экономист Андрей Илларионов, старший научный сотрудник Центра политики безопасности в г. Вашингтон о Байдене: «Мы видели вчера этого человека. Уставшего, пожилого, читающего по бумажечке фамилии журналистов, на вопросы которых он давал не вполне адекватные ответы, не относящиеся к теме обсуждения. Он поторопился покинуть место проведения брифинга. Вы считаете, что этот человек способен на что-то? Вчера было видно, как ему было тяжело и трудно...его можно было бы просто пожалеть: как его выставили на жару, как его мучают вопросами, на которые у него нет ответов, и как хорошо он бы проводил время сегодня, если бы не на этом посту, среди своих родственников и близких на берегу какого-нибудь пруда с удочкой. Вы полагаете, он изменится? Возможно, но только совсем не в том направлении, о котором вы думаете»

Руководящий Россией Владимир Путин не заботится о будущем страны, вовлекая Россию в острейший внутривнутриполитический кризис, экономическую катастрофу, обширные сепаратистские эксцессы, учитывая развязанную им братоубийственную, преступную войну. Исходя из этого, говорить о претензии Путина на мировое влияние не приходится – когда-то влиятельного человека теперь публично игнорирует даже премьер Армении, отходя подальше от него на саммите ОДКБ.

Перейдем к Германии – стране, которая фактически управляет Евросоюзом. Включение этой страны в список носит достаточно условный характер, поскольку ни для кого не секрет, что соперничать с США и Китаем она не в состоянии, так как объединенная Европа не обладает для того ни нужными ресурсами, ни самодостаточным уровнем производства, ни, в конце концов, полной субъектностью, ведь весь мир знает, какое влияние те же Штаты оказывают в случае надобности на европейские страны. Более того, во времена правления Ангелы Меркель, которая, по утверждению бывшего вице-премьера России и гражданина Германии Альфреда Коха, пыталась угодить всем и сразу [11], можно было говорить о международном влиянии с большей уверенностью, чем сегодня, когда страну возглавляет Олаф Шольц. В последнем чувствуется некая нерешительность, неопытность, которые воспринимаются частью электората и

международными политическими акторами как слабост. Возможно, господин Шольц еще станет титаном в политике, однако сейчас им не является.

Какие выводы можно сделать из всего вышеописанного? Не получается ли так, что Китай и США остаются двумя странами, которые могут соперничать за мировое влияние?

Совсем недавно можно было спорить, какая из трех стран: Россия, Китай или США влиятельнее и мощнее. Но Владимир Путин закончил дискуссию, выбыв из данного конкурентного пространства. Выходит, остаются США и Китай.

Немногом ранее мы говорили о том, что есть мировое влияние, а есть влияние в «свободном мире». Президент США – самый влиятельный человек свободного мира, это практически устойчивое выражение.

В такой парадигме логичным видится задать вопрос: а Президент США, который затрудняется отвечать на согласованные заранее вопросы согласованных заранее журналистов, может хотя бы теоретически конкурировать с Генсеком ЦК КПК в хоть одном сколько-нибудь серьезном вопросе?

Проблема в данном случае заключается не столько в возрасте, (автор осуждает эйджизм) сколько в характере самого человека. Байден обладает прекрасным набором качеств. Однако для игры на таком уровне, когда в соперниках у тебя акулы политики, наделенные всеми самыми нужными в этом контексте качествами – умом, коварством, многоликостью, хитростью, дальновидностью – быть эмпатичным, добрым и мягким недостаточно. Может ли Байден, обладая своим набором качеств, эффективно соперничать с Си Цзиньпином, качества которого также описаны в полной мере?

Во время недавно завершившегося XX съезда КПК Си Цзиньпин переизбран руководителем Китая на третий срок – такое произошло впервые после 1982 года. Помимо переизбрания на третий срок, Си Цзиньпин зачитал программную речь, состоящую из все тех же заявлений, которые мы уже слышали ранее. Это недвусмысленные угрозы суверенитету Тайваня, речи о возрождении величия Китая и «усилении безопасности» посредством технической независимости от США. Вся эта риторика декоративна по сравнению с действительно имеющим значение новым составом ПКПБ ЦК КПК, в котором только три партийных функционера сохранили свои посты с предыдущего состава, не считая самого Си Цзиньпина.

Состав нового ПКПБ пополнился как людьми действующего Генсека, так и теми, кто активно пытается доказать свою готовность таковыми стать. Например, в новый состав ПКПБ вошли давние сторонники Цзиньпина Чжао Лэцзи, Ли Цян, Цай Ци и Дин Сюэсян. Все они либо когда-то работали с Си Цзиньпином, либо пришли к вершине по уже описанной ранее схеме через руководство регионом.

Однако, это было ожидаемо и гораздо интереснее проанализировать эксцесс, так неожиданно нарушивший течение тщательно срежиссированного съезда партии.

Суть его заключалась в прилюдном отстранении от дел Ху Цзиньтао, которого в сопровождении охраны вывели из зала заседания. Многие СМИ еще до съезда сообщали о существующей конфронтации между Ху Цзиньтао и его преемником – якобы бывший Председатель высказывал нынешнему недовольство политикой последнего. Также сообщалось, что Си Цзиньпин и его люди пытались отговорить Цзиньтао от участия в съезде.

Анализ упомянутого происшествия важен в контексте понимания того, что ждет Си Цзиньпина в будущем, однако, прежде чем подводить итоги по данному вопросу, рассмотрим еще один случай, произошедший по прошествии буквально нескольких дней после съезда КПК.

В основе цепочки событий, о которых пойдет речь, лежит пожар в многоэтажном жилом доме в Урумчи, Синьцзян-Уйгурский автономный район. В результате пожара погибли 10 человек, еще столько же пострадали. Причинами таких жертв стали неисправность проводки в одной из квартир, из-за которой начался пожар, а также политика нулевой терпимости к Covid, из-за которой люди не могли выходить на улицу, а пожарные слишком долго прибывали на место происшествия ввиду заблокированных дорог из-за жесткого локдауна. Все это в итоге сдетонировало и послужило началом протестов по всей стране, в большом количестве крупных городов, включая и столицу. Демонстранты выступали против жестких ограничений для населения. В процессе протекания данных протестов также появились лозунги с требованием отставки Си Цзиньпина, против усиления авторитаризма, интернет-цензуры, экономический спад и отсутствие свободного приобретения товаров в том числе первой необходимости ввиду закрытия магазинов. После того, как протесты были разогнаны бесчисленными подразделениями служб внутренней безопасности Китая, власти начали постепенно смягчать коронавирусные ограничения в стране.

Выводы (заключение). Переизбрание подряд на третий срок и авторитарный стиль управления Си Цзиньпина – это яркие маркеры авторитаризма, которые сильно выделяются из спокойной и даже позитивной десятилетней картины правления китайского лидера. Партийные чистки и новые составы всевозможных комитетов и органов власти исключительно из лояльных сторонников, а также разборки с минимально недовольными и в высшей власти, и в обществе в целом, говорят об усилении единоличного режима, которое подобно через чур натянутой тетиве держится до поры до времени, после чего рвется, неминуемо задевая находящихся рядом.

Дело в том, что как показывает история, применять подобный характер руководства

большой страной опасно ввиду возможных последствий, которые могут настичь авторитарно-диктаторского и жесткого руководителя в любой момент. Вспомним Уинстона Черчилля: «диктаторы ездят верхом на тиграх, боясь с них слезть. Между тем, тигр начинает испытывать голод» [12].

Учитывая тот факт, что еще ни один диктатор не уходил на пенсию спокойно, без проблем и происшествий для себя и своего окружения, в таких делах главное – чувство баланса. Однако, удастся ли его сохранить действующему Председателю Китая? Этот вопрос пока что остается открытым, и весь мир следит за тем, как самый влиятельный человек в мире управляет огромным линкором, в котором, однако, есть и пробоины.

Список литературы

Time: 100 most influential people 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/collection/100-most-influential-people-2022/#leaders-5>

Forbes: The World's Most Powerful People [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/powerful-people/list/#tab:overall>

Bloomberg: Meet the 50 People Who Defined 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2022-12-14/big-take-bloomberg-50-the-most-influential-people-of-2022>

Толковый словарь С.И. Ожегова Влияние [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3363>

Микал Хем Быть диктатором: практическое руководство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/byt-diktatorom-prakticheskoe-rukovodstvo-read-437621-1.html>

Организация международного сотрудничества «Шелковый путь» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пояс_и_путь

Всемирный банк Динамика ВВП КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN>

Всемирный банк Динамика капитализаций компаний КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search?q=china&start=0&sort=>

Главное Таможенное управление КНР Товарооборот с США 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://english.customs.gov.cn/statistics/Statistics?ColumnId=6>

Кэти Сталлард Си Цзиньпин стал председателем всего [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newstatesman.com/world/asia/china/2022/11/xi-jinping-views-world-autocracy-thought>

Кох: Меркель нос по ветру держала [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/YpTJfWXZUmg>

Цитатник Уинстона Черчилля [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/448673-uinston-cherchill-diktatory-ezdiat-verkhom-na-tigrakh-boias-s-nikh-slez/>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Pavol Burcl

assistant professor at the Department of English language and Culture,
Faculty of Education, Constantine the Philosopher University in Nitra
Slovakia, 94901 NITRA, Dražovská cesta 4

UNDERSTANDING THE TIES BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE

Павол Бурил

доцент кафедры английского языка и культуры,
Педагогический факультет Университета Константина Философа в Нитре
Словакия, 94901 НИТРА, Дражовска цеста 4

ПОНИМАНИЕ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И КУЛЬТУРОЙ

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2022.2.86.319](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2022.2.86.319)

Abstract. The article deals with the problem of perception and understanding the phenomenon of culture within language communication in foreign languages, we see and feel the intensive need to clarify the ties between language and culture because it is crucial for the further progress of their learning.

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия и понимания феномена культуры в рамках языкового общения на иностранных языках, мы видим и ощущаем острую потребность в выяснении связей между языком и культурой, поскольку это имеет решающее значение для дальнейшего прогресса их изучения.

Keywords: culture, language, teaching/learning of culture, foreign language classes, communication in foreign languages, foreign language learners

Ключевые слова: культура, язык, преподавание/изучение культуры, уроки иностранных языков, общение на иностранных языках, изучающие иностранный язык

Introduction.

Language in culture, culture in language. That is the dilemma we have to solve. A lot of foreign language learners have somewhere ever been in a situation which appeared to be misleading. What causes more problems, language or culture? What is more important? How to understand the penetration of language into the culture, and on the other hand, the penetration of culture into language?

We are trying to focus on those details of the way how the phenomenon of culture within language communication in foreign languages is perceived and understood. We are sure that this optique can apply to a variety of languages learned.

Problem statement.

There is a tendency to divide language (being learned) from the culture of that language. Learners very often dive into the seas of grammar and vocabulary thinking it is enough to master. Therefore, there should be used an interdisciplinary approach that might be helpful to obtain a more complex view of this. Sociolinguistics, pragmatics, and psychology are the disciplines that can contribute to broadening the angle of perception and understanding the mutual penetration of language and culture.

Analysis of recent research and publications.

GENERAL VIEW.

Language and culture can be seen in a very unique coexistence, they are interlinked. As Chiu (2011, p.3) underlines that throughout the history of hominid evolution, the brain, language, and culture have coevolved in close interaction with each other. Going even back in time, we can cite Bruner (1990, pp. 12-

13), who says that meaning-making and meaning-using processes connect man to culture. *“Our culturally adapted way of life depends upon shared meanings and shared concepts and depends as well upon shared modes of discourse for negotiating differences in meaning and interpretation (ibid.).”*

Emmitt and Pollock (1991, pp.39-40) simply state that our culture influences our way of thinking and acting. To learn another language, we need knowledge of the culture of which the language is a part. We cannot learn a second language unless we learn about the culture because many of the meanings constructed in the language are culture-specific. To study a culture, it is necessary to study the language. And they add that overall, language and culture are interrelated (ibid, p.36). Leveridge (2008) also claims that language is used to maintain and convey culture and cultural ties.

We admit that we are not monocultural beings. According to Barnes, Ntung, and Caplen-Spence (2016, p.17), many of us operate within several cultures each day. Work culture may be very different from our social culture, which may in turn contrast strongly with our family culture. Schools can also change quickly as the result of a new head teacher or governing body. Every newcomer/beginner has to negotiate these school cultures, the language they use, the behaviours they expect, and the hierarchies they depend on.

PARTIAL ISSUES.

When we truly want to understand the essentials of the ties between language and culture, at first, we should necessarily focus on the definitions of *language* and *culture* as individual specifics of that relationship. So we put two questions before analysing: What is

language? What is culture? Then, we can dispute the nature and quality of that relationship.

Rather than definitions in their exact meaning, we might consider the uniqueness of perception within those definitions.

a) Several definitions of language:

Sapir (1921, p.7) states that language is *a purely human and non-instinctive method of communicating ideas, emotions, and desires by means of a system of voluntarily produced symbols*. These symbols are, in the first instance, *auditory* and they are produced by the so-called '*organs of speech*'. – "*Language is primarily an auditory system of symbols (ibid. p.11).*"

Chomsky (1957, p.13) conceptualises language as *a set (finite or infinite) of sentences, each finite in length and constructed out of a finite set of elements*. All *natural languages* in their spoken or written form are languages in this sense, since each natural language has a finite number of phonemes (or letters in its alphabet) and each sentence is representable as a finite sequence of these phonemes (or letters), though there are infinitely many sentences. Similarly, the set of 'sentences' of some formalised system of mathematics can be considered a language. In this definition of language, sentences are the basis of a language. They may be limited or unlimited and are made up of only minor components.

Another phonetic view is presented by Gimson (1962, p.3) who says that a language is a system of *conventional signals* used for communication by a whole community. This pattern of conventions covers a system of significant sound units (phonemes), the inflexion and arrangement of words, and the association of meaning with words. *An utterance, an act of speech*, is a single concrete proof of this system at work.

According to Lyons (1981, p.2), the word 'language' is applied, not only to English, Chinese, Malay, Swahili, etc., i.e. to what everyone will agree are languages properly so-called, but to a variety of other *systems of communication, notation, or calculation*, about which there is room for dispute. According to Lyons, languages are the principal communication systems used by particular groups of human beings within the specific society of which they are members.

Shaumyan (1987) perceives 'language' from the semiotic point of view. The word 'language' is applied not only to such languages as English, Russian, French, or Chinese, which are called *natural languages* because they evolved spontaneously, but *also to a variety of other systems of communication*, e.g. chemists, mathematicians, logicians, and computer scientists have constructed for particular purposes notational systems that are also called languages: languages of chemistry, mathematical languages, languages of logic, programming languages for computers. These are *artificial languages*. The word language applies also to systems of animal communication: one speaks of the language of bees, the language of ants, etc.

In A Dictionary of Media and Communication (1 ed.) by Chandler and Munday (2011), we can find

about language that is the phenomenon of human symbolic communication, including speech, writing, and sign language.

In A Dictionary of Sociology (3 ed.) by Scott and Marshall (2009), language is explained as *any verbal or non-verbal communication engaged by humans, animals, or even machines*.

b) Several definitions of culture:

Defining culture is very problematic. It is known that in 1952, Kroeber and Kluckhohn, American anthropologists, reviewed various concepts and definitions of the term 'culture'. The result was a list of 164 different definitions. That is proof that certain phenomena are not easy to define and the search for an adequate explanation or definition is a long track run. "*Culture has now reached the stage of a condensed representative abstract definition.*" Kroeber and Kluckhohn (1952, p.184). Despite this claim, in their book, they showed a new approximate version of the definition that most social scientists formulated as follows (ibid., p.181): "*Culture consists of patterns, explicit and implicit, of and for behavior acquired and transmitted by symbols, constituting the distinctive achievement of human groups, including their embodiments in artifacts; the essential core of culture consists of traditional (i.e. historically derived and selected) ideas and especially their attached values; culture systems may, on the other hand, be considered as products of action, on the other as conditioning elements of further action.*"

According to Spencer-Oatey (ibid., p.49), Kroeber and Kluckhohn's definition points to several important features of culture:

- a) it does not consist only of physical objects,
- b) it involves symbolic mental and physical (i.e. public) representations of the world,
- c) only those representations which are relatively stable and which form systems shared by the members of a social group are cultural. Therefore, *culture distinguishes one social group from another*.

Hofstede (1980, pp. 21-23) defines culture as *the collective programming of the mind* which:

- a) distinguishes the members of one group from another,
- b) is passed from generation to generation,
- c) it is changing all the time because each generation brings something own before passing it on.

Emmitt and Pollock (ibid., p.39) refer to culture as '*a way of life*', *the context in which we exist, think, feel, and relate to others*. Culture mediates personal meaning and social structure. It may be described as *the ideas, customs, skills, arts, and tools* that characterise a given group of people in a given period.

Matsumoto (1995, p.16) sees culture as *the set of attitudes, values, beliefs, and behaviours shared by a group of people*, but different for each individual, communicated from one generation to the next.

The Dictionary of Media and Communications by Danesi (2009, p.83) explains culture as *the arts, beliefs, language(s), institutions, rituals, etc.*, practised by a specific group of people.

Spencer-Oatey (2008, p.3) recognises culture as a *fuzzy set of basic assumptions and values, orientations to life, beliefs, policies, procedures and behavioural conventions* that are shared by a group of people, and that influence (but do not determine) each member's behaviour and his/her interpretations of the 'meaning' of other people's behaviour.

Several others share a similar opinion, such as Bruce and Yearley (2006, p.58), for whom culture is the totality of its *shared beliefs, norms, values, rituals, language, history, knowledge and social character*. It *implies those things that are conscious* (kept in being only because we choose to maintain them); *many elements of our culture confront us as external things apparently outside our control* (e.g. we are born into a language which we more or less automatically adopt); culture is *a human creation into which we are socialised* and which we can, with some effort, *modify; what is entirely a matter of biology is not culture*.

The main purpose of the article.

Coming from the practice, we see a problematic point. Either the foreign language learners have the position of refusing to involve cultural background in learning or the teachers consider it not important.

It can be because in the school curricula there is too much grammar and vocabulary and they feel a lack of sufficient time period to make it. Learners are afraid to lose, and teachers are afraid to fail. It is when we focus only on the quantitative side of the problem – how many lectures and exercises are done; learners pass the exam or were successful in obtaining the proficiency certificates.

The essential job of a foreign language teacher is to prepare learners for real-life communication. We cannot omit culture. Considering some of the definitions, we agree that culture has much to do with language. As culture shapes our reality (e.g. attitudes, values, beliefs, behaviours) and is passed from generation to generation, language is the leading way to preserve and save this.

Language has always been the mediator of culture, not being isolated. It is a bringer of progress and a carrier of news. It is the communicator within a certain community of people being socialised within a certain culture.

Some people see only its prime semantic or phonetic side, unable to perceive the language wider. There is an interrelation between language and culture. As we said at the beginning, language is in culture and culture is in language. They two co-live with and in each other.

The purpose of this article was to gain attention to the cultural context of the language because it is frequently overseen. From the definitions of culture, we can see that communication exists within the frames of the culture. When we put aside sign language, which is not typical to the majority of the population, speech and writing are the main aspects of the language permanently used as the communication tool within the culture. When we are born into a particular community with its own culture and grow up there, we gradually

acquire the attributes of the culture of that community and language as well.

Therefore, the transfer of this knowledge and experience to foreign language learning is crucial. If the learners can understand this in the example of their mother tongue, they would be able to understand it in a foreign language. That is why foreign languages have to/should be taught/learned simultaneously with the culture of these languages involved.

Conclusions and suggestions.

Although we take their relationship as mutually conditioned, in a certain way we can see them separately. Theoretically, we can analyse language without analysing also culture and vice versa. In that case, each of them ought to be researched independently and individually. The question is, whether in practice we are capable of modelling the situation missing the cultural aspects in it and vice versa. The answer is *hardly ever*.

As we mentioned before, we target our interest on the active role of both elements. So, therefore, we mean acquiring communicative competence. Linguistic competence alone is not enough. Correct usage of language (in terms of grammar and vocabulary) is not sufficient. We have to take into consideration what we call 'sociolinguistic appropriateness' – the ability to recognise the specifics of the communicative situations, create strategies for addressing them, apply those strategies, and then deal with the resulting actions in an appropriate manner.

As Elmes (2013, pp.15-16) says that for instructors and learners alike, the concepts of linguistic and cultural competence must be introduced into the classroom together. Their relationship would also serve best clarified and understood from the onset.

As for suggestions, we practitioners know and still insist on the complexity of the teaching/learning process in foreign languages. As a consequence, the tendency to separate the culture from the language of that culture, for us, is incomprehensible and non-productive. All the more so when intercultural competence is also important in communication today.

References:

- <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol4/iss2/2>
 Chiu, Ch. Y. (2011). [online]. Language and Culture. In Online Readings in Psychology and Culture. Unit 4 - General Psychological Issues in Cultural Perspective. p.3. ISSN: 2307-091. Retrieved from
<http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol4/iss2/2>.
 Bruner, J. (1990). Act of meaning. Cambridge, MA.: Harvard University Press. pp. 12–13. ISBN 0-674-00361-6.
 Emmitt, M – Pollock, J (1991). Language and learning: An Introduction for Teaching (1sted). Melbourne: Oxford University Press. 198p. ISBN 0-19-553123-x. Retrieved from
<https://archive.org/details/languagelearning0000emmi/mode/2up?view=theater>
 Leveridge, A. N. (2008). [online]. The Relationship Between Language & Culture and the

Implications for Language Teaching. In Tefl.NET: TEFL Articles: Teacher Technique. Retrieved from <https://www.tefl.net/elt/articles/teacher-technique/language-culture/>.

Barnes, J. – Ntung, A. – Caplen-Spence, N. (2016). Language & Culture Guide. Kent: Migrant Help Communications. 59p. ISBN 978-0-9934480-2-7.

Sapir, E. (1921). Language: An Introduction to the Study of Speech. New York: Harcourt, Brace. 125p.

Chomsky, N. (1957). Syntactic structures. Berlin: Walter de Gruyter. p.13. ISBN 3-11-017279-8.

Gimson, A. C. (1962). [online]. An Introduction to the Pronunciation of English. London: Edward Arnold Publishers. p.3. Retrieved from <https://archive.org/details/introductiontopr0000gims/page/2/mode/2up?view=theater>.

Lyons, J. (1981). Language and Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. ISBN 0-521-29775-3.

Shaumyan, S. (1987). [online]. A semiotic theory of language. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. ISBN 0-253-30472-5. Retrieved from <https://publish.iupress.indiana.edu/read/a-semiotic-theory-of-language/section/4aa7634c-22ad-47c6-8daf-b539f389e6c6>.

Chandler, D. – Munday, R. [online]. (2011). A Dictionary of Media and Communication (1 ed.). Oxford: Oxford University Press. ISBN 978-0199568758. eISBN 978-0191727979. Retrieved from <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780199568758.001.0001/acref-9780199568758-e-1482>.

Scott, J. – Marshall, G. (2009). [online]. A Dictionary of Sociology (3 ed.). Oxford: Oxford University Press. ISBN 978-0199533008. Version 2015 eISBN 978-0191726842. Retrieved from

<https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780199533008.001.0001/acref-9780199533008-e-1236>.

Untereiner, W. – Kroeber, A. L. – Meyer, A. G. – Kluckhohn, C. K. M. (1952). Culture, a Critical Review of Concepts and Definitions by A. I. Kroeber and Clyde Kluckhohn. With the Assistance of Wayne Untereiner. Appendices by Alfred G. Meyer. (Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, Vol. XLVII/No. 1) Cambridge, Mass.: Published by the Museum. 223p.

Spencer-Oatey, H. (2008). Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory. 2nd edition. London: Continuum. p.49. ISBN 978-08264-9309-5.

Hofstede, G. (1980). Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values. (Cross Cultural Research and Methodology) London: Sage Publications. 1st ed. pp. 21-23. ISBN 978-0701181802.

Emmitt, M – Pollock, J (1991). *ibid.* p.39.

Matsumoto, D. (1995) Culture and Psychology. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole. p.16. ISBN 978-0534232207.

Danesi, M. The Dictionary of Media and Communications. New York: M. E. Sharpe. p.83. ISBN 978-0-7656-8098-3.

Spencer-Oatey, H. (*ibid.*, p.3)

Bruce, S. – Yearley, S. (2006). The Sage Dictionary of Sociology. London: SAGE Publications. p.58. ISBN 0-7619-7481-4.

Elmes, D. (2013). The Relationship between Language and Culture. In National Institute of Fitness and Sports in Kanoya Academic Research Bulletin. No.46. pp.15-16. Retrieved from <http://www.lib.nifs-k.ac.jp/nii/46-11.pdf>.

До Тхи Иэн Нь

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Научный руководитель: кандидат наук, доцент Пожидаева Е.В*

ОПИСАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ КУЛЬТУРАХ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.2.86.317

Аннотация. Данная статья рассматривает вопрос описания, оценки и интерпретации эмоций в русской и вьетнамской культурах. В данной работе мы изучаем четыре основных эмоции: радость, счастье, печаль, гнев. Для того, чтобы выяснить сходства и различия систем выражения этих эмоций двух языков на лингвистическом и культурном уровне, был проведен опрос. Результаты опроса нашли отражение в статье и могут представлять интерес для всех, кто занимается изучением (лингво)культурологии, психологии и русского и вьетнамского языков как иностранных с точки зрения успешного формирования лингвокультурной компетенции у обучающихся.

Ключевые слова: эмоции, сравнение, описания, культура.

Связь между языком и культурой вызывает все больший интерес у лингвистов. Изучение иностранного языка, в свою очередь, требует интерпретации значений, определяемых и наделяемых культурой, и наоборот, изучение различных аспектов культуры требует понимания этих аспектов в их языковом выражении. В связи с ростом интереса к культурно-языковому обмену в эпоху интеграции и глобализации изучение

способов выражения и описания эмоций и чувств как части культуры стало одной из важных задач.

Следует отметить значительное количество теорий о природе человеческих эмоций как с точки зрения психологии, так и лингвистики.

Американские психологи Пол Экман и Уоллес Фризен (Ekman; Friesen, 1971) предложили шесть основных эмоций с универсальными выражениями лица: удивление, радость, гнев, страх, отвращение и печаль. П. Экман и У. Фризен проводили

различия между эмоциональными выражениями, общими для всех культур (особенно выражением лица), и движениями тела, которые различаются в разных культурах (качание головой, кивание головой, кивок и др.).

Теория развития ребенка Алана Сроуфа (Alan Sroufe, 1979) включала только три основные эмоции: радость, страх и гнев.

В теории социального взаимодействия Теодора Дэвида Кемпера (Theodore David Kemper, 1987) были предложены четыре основные эмоции: страх, гнев, депрессия и удовлетворение, которые, если они основаны на физиологии, являются эволюционно важными и универсальными в разных культурах и связаны с социальными отношениями. Ко вторичным эмоциям, приобретаемым в результате социального взаимодействия, относятся: вина, стыд, гордость, благодарность, счастье, скука и скука.

Между тем психолог Кэррол Изард (Carroll Izard, 1994) выделяет 11 основных эмоций: радость, печаль, удивление, гнев, отвращение, презрение, горе-страдание, стыд, интерес-волнение, вина, смущение. Несмотря на вышеперечисленные универсальные теории, до сих пор остаются культурные аспекты эмоций, практически не затронутые исследованиями (Багдасарова 2005).

Для сравнения способов описания эмоций и эмоциональных ситуаций в русской и вьетнамской культурах нам был проведен эмпирический эксперимент в виде опроса студентов из двух стран. В исследовании приняли участие 15 российских студентов и 15 вьетнамских студентов в возрасте от 18 до 25 лет. Количество мужчин и женщин в исследуемых группах было равным и приближалось к 50%. Респондентам предлагалось ответить на такие вопросы, как "Что такое радость (счастье, печаль, гнев)?", "Вы чаще испытываете положительные или отрицательные чувства?", "В каких ситуациях мужчины испытывают эту эмоцию?", "В каких ситуациях женщины испытывают эту эмоцию?". Респонденты ответили на 16 вопросов, по 4 вопроса на каждую эмоцию из 4-х эмоций. Испытуемые не ограничивались в количестве слов в высказываниях. Ответы испытуемых анализировались с помощью контент-анализа. Всего было отобрано 320 высказываний для каждой выборки.

Результаты опроса показали сходства в ответах респондентов из двух групп. При определении эмоций как российские, так и вьетнамские студенты включают описания различных характеристик эмоций и эмоциональных переживаний, таких как собственно эмоции, чувства, настроения, экспрессия, триггерные эффекты, относящиеся к мимике и физиологическим выражениям эмоций и чувств.

В то же время в ответах представителей двух выборок обнаружены некоторые различия. Вьетнамские студенты чаще, чем российские студенты, испытывают положительную эмоцию

«счастье» и некоторые отрицательные эмоции, такие как «гнев» и «печаль». Однако, вьетнамские студенты испытывают «радость» реже, чем российские. Исследование показало, что российские студенты чаще выражают отрицательные эмоции; такие как печаль и гнев - наедине с собой и в присутствии других, в то время как вьетнамские студенты способны делать это только в одиночестве.

Описания эмоций и их выражения у мужчин и женщин были проанализированы в двух выборках исследования. Сравнение эмоционального состояния мужчин и женщин как в России, так и во Вьетнаме близко друг к другу. Мужчины испытывают больше положительных эмоциональных состояний и меньше отрицательных, чем женщины, как в России, так и во Вьетнаме. В то же время исследование показывает, что мужчины и женщины могут по-разному регулировать свои эмоции, возможно, из-за гендерных норм или культурно-детерминированных факторов.

Таким образом, культура влияет на способ и форму выражения эмоций. На определение того, какие эмоции хорошие, а какие плохие, когда эмоции уместно выражать, а когда нет, и даже на то, как их выражать, - влияет культура. Что еще более важно, на эмоции влияют разные культуры, а это означает, что изучение культурного контекста является ключом к пониманию эмоций.

Несмотря на тот факт, что эмоции универсальны и свойственны людям в целом, их выражение, значение, функция культурно специфичны, отражаются в языке и речи. Различные эмоциональные проявления, являющиеся особенностью национального характера, а точнее менталитета, представителей той или иной этнической культуры, объясняется в поведении представителей ее репрезентирующих, составной частью которого является коммуникативное поведение. Успешная межкультурная коммуникация невозможна без понимания культурных и национальных особенностей выражения эмоций и их прагматики. Для эффективной бесконфликтной межкультурной коммуникации необходима эмоциональная компетентность, которая является неотъемлемым компонентом межкультурной компетентности.

Исследование эмоций в разных культурах является важным аспектом для изучения во многих социально-педагогических науках: в культурологии и психологии, литературе и лингвистике, в изучении иностранных языков.

Литература

Багдасарова Н.А. Эмоциональный опыт в контексте разных культур // Человек. - 2005. - № 4. С. 24-31.

Изард К. Эмоции человека. М., 1980.

Изард, Кэррол Е. Эмоции человека / Кэрролл Е. Изард. - М, Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 440 с.

Пол Экман. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. - М.: Питер, 2010.

Психология эмоций: Тексты. - М., 2011. - 537 с.

Эмоции и чувства // <http://psy.samara.ru/content.asp?&rid=65&id=239>.

Ekman P, Friesen W.V. Constants across culture in the face and emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1971, v.17, p. 124-129.

Lerner JS, Li Y, Valdesolo P, Kassam KS (January 2015). "Emotion and decision making" (PDF). *Annual Review of Psychology*. 66: 799–823. doi:10.1146/annurev-psych-010213-115043.

Theodore D. Kemper. How many emotions are there. *The American Journal of Sociology*, Vol.93, No.2 (Sep., 1987), pp. 263-289.

Шайдуллина Айгуль Радиковна

магистрант

ФГБОУ ВО "Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина"

Научный руководитель: Пожидаева Е. В.

Кандидат филологических наук, доцент.

ФГБОУ ВО "Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина"

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПОСРЕДСТВОМ МЕМОВ НА УРОКАХ РКИ

Shaidullina Aigul Radicovna

Scientific adviser: Pozhidaeva Elena

VIZUALIZATION THROUGH MEMES IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация. В данной статье рассмотрены интернет-мемы как современный инструмент визуализации в преподавании РКИ (русскому как иностранному).

Abstract: This article analyzes Internet memes as a modern visualization tool in teaching RFL (Russian as a foreign language).

Ключевые слова: мем, визуализация, креолизованный текст, преподавание РКИ.

Keywords: meme, visualization, creolized text, teaching Russian as a foreign language.

Термин «визуализация информации» впервые был использован исследовательской группой пользовательского интерфейса Xerox PARC под руководством Джона Д. Маккинли и подробно описан в книге "Чтение в информационной визуализации: использование видения для мышления" Стюарта К. Карда и Бена Шнайдера. Термин был введен для того, чтобы описать представление абстрактной информации средствами визуального интерфейса. [1, с. 185]

В более широком контексте визуализация — это метод, который представляет информацию в виде оптического изображения (рисунки, фотографии, графики, диаграммы и т.д.). Педагогами такой метод часто используется, но под другим названием, как принцип наглядности.

В отечественной педагогической мысли исследованием потенциала данного метода в обучении занимались такие ученые, как Пирогов Н.И., Водовозов В.И., Бунаков Н.Ф., Герд А. Н., Янкович Ф.И., Новиков Н.И., Одоевский В.Ф. и другие. По мнению сторонников данного метода успех в воспитании/обучении гарантирует следующее правило: необходимо опираться на факты и наблюдение (визуальные образы) и со временем переходить от конкретного к общему. [4]

На этом же принципе основано и "золотое правило дидактики" Я.А. Коменского: "Все, что только можно, предоставлять для восприятия чувствами, а именно: видимое — для восприятия зрения, слышимое — слухом, запахи — обонянием,

что можно вкусить — вкусом, доступное осязанию — путем осязания. [...] Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами". [3]

Основоположник научной педагогики в России Ушинский К.Д. также придавал большое значение принципу наглядности. Как говорил педагог, обучение должно быть построено не на абстрактных представлениях и словах, а на конкретных образах, которые дети воспринимают непосредственно. Это служит мощным средством для формирования умственной деятельности и фундаментом естественного обучения.

Говоря о нынешнем поколении, следует отметить, что современное общество обладает клиповым мышлением, то есть воспринимает информацию через визуальный канал, посредством фрагментарных ярких образов. В широком понимании к клиповому мышлению можно отнести все психические функции человека: память, речь, внимание, мышление, восприятие. Эра текстуальности сменилась эрой визуальности.

Учет этой особенности современного обучающегося становится одним из основополагающих в изучении иностранных языков. Тенденция применения удобной, короткой, красочной упаковки контента охватила все сферы, включая и обучение. Еще 10 лет назад на уроке не требовались иллюстрации для запоминания материала, сейчас же небольшие единицы текста и

яркие картинки стали одним из неотъемлемых способов коммуникации. В частности, мемы как инструмент для эффективной работы с материалом.

Термин интернет-мем впервые был использован в 1976 году Р. Докинзом. Автор сравнивал мем с некоторой культурной единицей информации, которая подобна культурным генам. [1, с. 181]

Зарубежные ученые под мемом понимают цепное письмо (в печатном или электронном виде), содержащее письменную информацию, включающее указание скопировать его и сопровождаемое угрозами или обещаниями (С. Блэкмор).

Интернет-мем по мнению Российских ученых – это явление спонтанного распространения в интернет-среде единицы информации, объекта, фразы посредством тиражирования всеми возможными способами (Ю. Щурина); это часть культуры, обязательная для понимания и воздействующая на события не только онлайн, но и офлайн-реальности (Н. Зиновьева). [5]

И. В. Горобцова, Н.Ю. Киселева в своей работе определяют мем «как объект, который получил спонтанное распространение в виртуальном пространстве, а также как креолизованный текст, ограниченное взаимодействие невербальной и вербальной части которого и наличие прецедентного материала способствуют достижению комического эффекта». Мы придерживаемся определения И. В. Горобцовой, Н.Ю. Киселевой и под мемом понимаем любую идею, символ, манеру или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д.

Среди интернет – мемов, по мнению Ю.В. Щуриной, следует выделять 4 типа: [6, с. 161]

1. Текстовый мем: письменный текст, словосочетание или отдельная фраза, публикуется обычно в мессенджерах и социальных сетях.

2. Видеомем – юмористические видеосюжеты, которые пользователи социальных сетей размещают на своей странице. Популярность видеомема зависит от количества просмотров.

3. Креолизованный мем – популярное изображение или известный всем персонаж и надпись у нему (Trollface, Okaу Guy и др.). К данному типу относится «значительная часть газетно-публицистических текстов, научно-технических, инструктирующих текстов, иллюстрированные художественные тексты, реклама, афиши, комиксы, плакаты, листовки и др.».

4. Мем-картинка – 1) отредактированная фотография под определенным сюжетом; 2) узнаваемое изображение – например, «омской птицы», «Ктулху», «совы» или других персонажей.

Мемы – это огромный мир, который основан на культуре и образе жизни, мыслях людей. Мемы, как чуткий живой организм, отражают самые актуальные темы, популярные тренды, особенности языка социальных групп и даже рождают неологизмы.

Первоначально мемы создавались как развлекательный контент, но при правильном подходе их можно использовать и в обучении.

Использование интернет-мемов на уроках РКИ имеет большой потенциал, так как использование таких нестандартных, но в то же время таких современных визуальных средств повышает вовлеченность и мотивацию обучающихся к освоению конкретной темы, активизирует речемыслительную деятельность, а также позволяет повысить интерес к русскому языку и культуре в целом.

Список источников

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. - 1990. – С. 180-186.

Скрыпникова Ю.О. Мемы в обучении иностранному языку // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29324380> (28.10.2022)

Степанова М.М., Ковалёва Е.В. Сопоставительный анализ мемов как современных паремнологических единиц в русском, английском и испанском интернет-дискурсе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (06.09.2022).

Фрумкин К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://nouivers.narod.ru/ofirs/kf.htm>. (09.10.2022)

Ховричев А.И. Типология мемов// Сияние [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://the-korobka.blogspot.com.by/2015/12/blog-post.html> (28.10.2022)

Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный Диалог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://elibrary.ru/> (21.10.2022)

#1(86), 2023 часть 2
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.
Периодичность: 12 номеров в год.
Формат - А4, цветная печать
Все статьи рецензируются
Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#1(86), 2023 part 2
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Клиmek (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>